

ЧЕРНИГОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО
УКРАИНСКИЙ ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

ТАК Я ПРОШУ ТВОЕЙ ЛЮБВИ...

*поэтический альбом
схиигуменнии Софии (Гринёвой)*

Публикация,
вступительная статья, комментарии
С. М. Шумило, В. В. Шумило

ВѢРА и ЖИЗНЬ
ЧГИЭУ
Чернигов – Сидней, 2014

УДК 821.161.1
ББК Ш6(4Рос)6
Т 15

Шумило С. М., Шумило В. В.

Т 15 Так я прошу Твоей любви: поэтический альбом схиигумении Софии (Гринёвой) – Чернигов – Сидней: Вѣра и Жизнь, ЧГИЭУ, 2014. – 160 с., ил. 24
ISBN 978-966-2188-48-6

Рекомендовано к печати ученым советом Института истории, этнологии и правоведения им. А. М. Лазаревского Черниговского национального педагогического университета им. Т. Г. Шевченко (протокол № 11 от 29 июня 2013 г.).

Научный редактор:

А. Б. Коваленко, кандидат исторических наук, профессор, Институт истории, этнологии и правоведения им. А. М. Лазаревского Черниговского национального педагогического университета им. Т. Г. Шевченко.

Рецензенты:

А. Н. Киридон, доктор исторических наук, профессор, Украинский институт национальной памяти;

М. А. Федотова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук;

М. В. Шкаровский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

Издание осуществлено при финансовой поддержке прихода Казанской Иконы Божией Матери Русской Православной Церкви Заграницей, г. Сидней, Австралия.

Схиигумения Киевского Покровского женского монастыря София (Гринёва) оставила потомкам памятник культурной жизни Киева начала XX в. – свой поэтический альбом-дневник. Альбом публикуется по единственной дошедшей до нас рукописи. В предисловии дана краткая биография схиигумении Софии и подробный филологический и культурологический анализ поэтического альбома.

Для широкого круга читателей.

На форзаце использованы копии страниц поэтического альбома схиигумении Софии (Гринёвой), на обложке полностью воспроизведен внешний вид оригинального альбома.

© Шумило С. М., Шумило В. В., 2014
© **ВѢРА И ЖИЗНЬ**, 2014
© ЧНПУ им. Т. Г. Шевченко, 2014
© ЧГИЭУ, 2014

*Памяти Михаила Даниловича Нечитайленко,
сохранившего альбом схиигумении Софии*

*Настоятельница Киево-Покровского женского монастыря
игуменья София.*

На фотографии собственноручная надпись матушки Софии:

*«Я встречу с тобой в стране Истины,
на лоне вечной любви, в невидимом прекрасном граде.*

1914 г. января 10-го дня.

Там лучше!

*Там мы довершим начатое здесь. Наш ум насладится светом
и сердце любовью, и это не будет одиноким наслаждением,
но в единении с Богом»*

**ПОЭТИЧЕСКИЙ АЛЬБОМ
ПРЕПОДОБНОИСПОВЕДНИЦЫ
СОФИИ (ГРИНЁВОЙ) –**

**ПАМЯТНИК КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ КИЕВА
НАЧАЛА XX ВЕКА**

Лежащая перед читателем книга – не просто сочинения схиигумении Киевского Покровского монастыря преподобноисповедницы Софии (Гринёвой), жившей в конце XIX – первой половине XX века. Альбом представляет собой сборник стихов разных авторов, собранных под одной обложкой матушкой Софией и объединенных размышлениями о Боге. Это цельное произведение словесного искусства, составленное заботливым собирателем – преподобноисповедницей Софией – в традициях русских салонных альбомов, которые велись дворянками как полудневник-полусборник автографов современных поэтов. Но настоящий альбом более приближен к поэтическому дневнику. Перелистывание этого альбома доставит читателю удовольствие тихого размеренно-молитвенного чтения и погружения в культуру конца XIX – начала XX века. Альбом является уникальным образцом этой невозвратно ушедшей от нас культуры.

София Евгеньевна Гринёва родилась в 1873 году в Москве в семье юриста. Семья много раз переезжала, и когда Софии исполнилось семнадцать, Гринёвы жили в Киеве. Девушка росла общительной, веселой, очень одаренной и глубоко верующей. Она имела незаурядное музыкальное дарование, и профессора Киевской консерватории, в которой училась будущая игумения, пророчили ей блестящую карьеру оперной певицы. Но Господь судил иначе.

Юная Соля Гринёва

Однажды после занятий Софья не побереглась, простудилась, опасно заболела и вследствие этого совершенно потеряла голос. Горе молодой талантливой девушки было велико, сколько ни трудились самые лучшие врачи, пытаясь помочь обретению голоса, все было тщетно; более того, болезнь усугублялась, так что родные начали опасаться за жизнь Софии и по совету врачей решили отправить ее на лечение в Швейцарию. Перед дорогой девушка пожелала провести несколько дней в небольшой обители. Там здоровье Софии вдруг резко ухудшилось, и к ней пригласили священника для последней исповеди и Причастия...

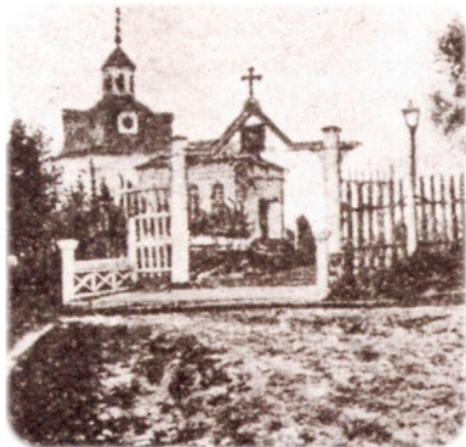
Нам не дано знать, какие молитвы возносила тогда больная к Богу, но эти молитвы были горячи и искренни, ибо Господь сотворил с ней чудо: проснувшись на утро, Софья неожиданно обрела голос, заговорила, и после этого начала быстро поправляться. Однако о возвращении в мир после этого не было и речи – девушка избрала для себя иноческий путь.

Побывав в нескольких монастырях, желая найти тихую обитель, Софья и несколько ее духовных сестер поселились возле одной запущенной церкви в Калужской области. Они основали там обитель в честь находившейся в церкви иконы Богородицы «Отрада и Утешение». Матушка Софья обладала особым талантом привлекать людей к Богу, собирать их во-

круг себя и устраивать жизнь приходящих по заповедям Божиим. За несколько лет обитель стала довольно известным монастырем с организованным при нем детским приютом и гостиницей для частых гостей и паломников. София Гринёва единодушно была выбрана настоятельницей этого монастыря. Сергей Нилус, переписывавшийся с матушкой Софией и питавший любовь Христову к ней и ее монастырю, оставил воспоминания о чудной настоятельнице и об обители.

Ряссофорная послушница София

Ворота обители «Отрада и Утешение»

«Не монастырь, – пишет он, – даже еще и не община. Смиренное это общежитие жен и дев, пожелавших уневестить себя Христу, а в нашем сердце ему отведено такое обширное место, что хоть бы и великой лавре впору. Такова сила и власть любви, живущей и управляющей этой обителью в лице ее настоятельницы, человека исключительной духовной красоты и разума Христова, и единокорных с нею и единокорных сестер ей о Христе Иисусе»¹.

Во время жизни в обители «Отрады и Утешения» матушка Софья установила прочную связь с Оптинскими старцами, особенно же – со стар-

¹ *Нилус С. А.* Полное собрание сочинений: В 5 т. – М.: Сибирская Благовонница, Город, 2009. – Т. 4: На берегу Божьей реки: Записки православного. Часть I. 1910 год. – С. 631.

цем Нектарием. Сестры обители нередко бывали в Оптиной, обращались к старцам за советами, переписывались с ними. Часто приезжала в Оптину и сама настоятельница, считавшая Оптинских старцев своими духовными наставниками и руководителями.

В конце декабря 1912 года матушку Софию неожиданно для нее назначили настоятельницей большого общежительного Покровского монастыря в Киеве. Это назначение очень огорчило матушку, которая срослась душой со своей обителью, и стоило ей многих слез.

Покровский монастырь был одним из крупнейших в Российской империи. Его основательницей была Великая княгиня Александра Петровна, во инокинях Анастасия. Ею при обители был устроен целый комплекс благотворительных учреждений: больница с домовою церковью, церковноприходская школа для девочек, приют для сирот и бедных детей, приют для слепых и неизлечимых больных, бесплатная амбулаторная лечебница, аптека с бесплатной выдачей лекарств, странноприимная².

² См. подробнее: Памяти Царственной Инокини Анастасии (в мире – Великая Княгиня Александра Петровна). – СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1901; Преподобная Великая княгиня Анастасия Киевская: Жизнеописание основательницы Киево-Покровского женского монастыря. – К.: Свято-Покровский женский монастырь, 2010.

*Настоятельница общины «Отрада и Утешение»
рясофорная послушница София*

*Инокнии на собеседовании у матушки Софии
(она — первая слева в белом апостольнике)*

Лечебница для приходящих больных

Терапевтическая больница

Великокняжеская семья уделяла много внимания монастырю и нередко сюда приезжала. И этим монастырем должна была теперь управлять молодая, энергичная, но чрезвычайно горящая о своей маленькой обители матушка Софья.

Она быстро вошла в доверие сестер, ее любили «и капризные старушки, и приютские дети [...], ее приход вызывал всюду восторг и ликование», — вспоминает Елена Александровна Нилус, бывавшая у матушки в Киеве³.

На долю молодой игумении выпали самые тяжелые годы в жизни обители. Вскоре началась Первая мировая война, и незамедлительно монастырские больницы были преобразованы в лазарет для больных и раненых. После Февральской революции, вынужденного отречения от престола Императора Николая II и октябрьского переворота произошло крушение всех устоев монастырской жизни.

Игуменья София

Предположительно в это время, до 1930-го года, матушка София приняла постриг в великую схиму, но, к сожалению, точную дату пострига, а также информацию о том, кто его совершил, пока не удастся восстановить⁴.

³ *Концевич Елена.* Схиигуменья София, Настоятельница Покровского Монастыря в Киеве. — Форэствилль, Калифорния: Свято-Ильинское издание, 1976. — С. 23.

⁴ В среде катакомбных христиан существовало предание,

Игуменья София (в центре) с Августейшими сестрами милосердия Княжнами: Мариной Петровной, Надеждой Петровной и Еленой Георгиевной Романовской, Герцогиней Лейхтенбергской, в лазарете Киево-Покровского монастыря. 1915 год

В 1923 году, когда в Киеве прочно установилась советская власть, Покровский монастырь был передан обновленцам, а игуменья София «уволена от исполнения обязанностей»⁵ настоятельницы монастыря. После этого матушка София, духовник обители протоиерей Димитрий Иванов и часть сестер Покровского монастыря переехали в село Ирпень под Киевом⁶, где обитель тайно просуществовала до 1937 года.

что постриг в схиму игуменнии Софии совершил епископ Дамаскин (Цедрик), но документального подтверждения этому пока не найдено.

⁵ ЦГАООУ, г. Киев. Автобиография схиигуменнии Софии (Гринёвой): Ф. 263. – Оп. 1. – Д. 460. – Л. 18-22. (Далее – Автобиография).

⁶ Концевич Елена. Схиигуменья София... – С. 23.

Многие люди, глубоко почитая матушку Софию, приезжали к ней из близлежащих киевских районов, из Гомеля, из Луганска и других областей за советом и назиданием.

Когда в 1927 году митрополит Сергей (Страгородский) обнародовал Декларацию о лояльности к советской власти, многие архиереи, священники, монашествующие и миряне отказались подписать ее. В Русской Церкви произошло разделение на «сергиан», подписавших Декларацию, и «иосифлян», последовавших за Петроградским митрополитом Иосифом (Петровых), не подписавшим Декларации и возглавившим духовную оппозицию. Начались гонения на «иосифлян», которым пришлось уйти в церковное подполье. Схиигумения София и часть монахинь Покровского монастыря, близких к матушке, примкнули к «иосифлянам» и с тех пор вынуждены были скрываться и служить тайно⁷.

Архиепископ Леонтий Чилийский, очевидец того времени, вспоминал: «Владыка Иосиф [Петроградский] принял на себя, как митрополит, всех отделившихся от митрополита Сергея и потому их стали называть иосифлянами, а

⁷ См. подробнее: *Шпаковский М. В.* Иосифлянское движение в Киеве в первой половине 1930-х годов: Священник Димитрий Шпаковский и епископ Дамаскин (Цедрик) // Труды Київської Духовної Академії. – 2011. – № 14. – С. 204-222.

оставшихся – сергианами. Как в Петербурге были отделившиеся, так были и в Киеве. Среди них протоиерей Димитрий Иванов, наш Покровский монастырь, мать игуменья София с приближенными 20 сестрами, о. протоиерей Виктор, настоятель Александро-Невской церкви, о. Анатолий Жураковский, о. Л., настоятель Покровской церкви, и один профессор Академии. Не откладывая, сестры Покровского монастыря себе избрали в игуменьи мать казначею, старицу 75-ти лет Антонию, а матушка София приобрела себе дачу вблизи Киева в дачном месте Ирпень, там устроила церковь и при ней находились сестры и о. Димитрий Иванов»⁸.

*Сестры обители
с протоиереем Дмитрием Ивановым. 1910-е годы*

⁸ Цит. по: Концевич Елена. Схиигуменья София... – С. 25.

Катакомбная община в Ирпене просуществовала несколько лет: днем дача имела вид обычного загородного дома, а ночью центральный зал превращался в храм, в котором совершалось богослужение. Настоятелем тайного храма был отец Димитрий, поселившийся там же со своей семьей.

Игуменья София

Первый раз схиигуменья София была арестована еще в 1924 году сроком на шесть недель⁹. После 1927 года, когда начались гонения на «носифлян», матушка, скрываясь от нового ареста, взяла себе чужой паспорт и без прописки поселилась в Ирпене по улице Толстовская, 10,

⁹ Автобиография: Ф. 263. – Оп. 1. – Д. 460. – Л. 18-22.

у прихожанки Ирпеньской катакомбной общины Елены Бабенко. Второй арест последовал в 1928 году и продолжался семь недель. Настоятель храма в Покровском монастыре отец Дмитрий Иванов разделил с матушкой горькую участь и также отбывал заключение¹⁰.

В тюрьме матушка тяжело заболела и была отправлена для выздоровления в п. Ирпень. Здесь схиигуменья София прожила до 1931 года, ежедневно опасаясь нового ареста. «Иосифляне» не посещали открытых «сергианских» храмов, молились по домам и старались поддерживать общение между собой. В доме на Толстовской улице, где жила матушка София, совершались тайные ночные богослужения, собирались верующие для бесед с матушкой, сюда приезжали многие гонимые священники и монахи, миряне, не признавшие Декларацию митрополита Сергия, здесь они окормлялись и имели возможность причаститься Святых Христовых Таин, как вспоминает об этом Елена Юрьевна Концевич¹¹.

¹⁰ В течение 1923-1929 гг. о. Дмитрий несколько раз подвергался аресту. В 1929 г. «иосифлянским» архиепископом Дмитрием (Любимовым) он был назначен благочинным г. Киева, занимался составлением и распространением воззваний ИПЦ. 15 января 1931 г. был арестован как руководитель Киевского и куратор Гомельского «филиалов ИПЦ». Скончался 17 марта 1933 г. в Архангельской ссылке.

¹¹ См. *Концевич Елена*. Схиигуменья София... – С. 35.

В 1931 году накануне праздника Покрова Пресвятой Богородицы схиигумению Софию арестовали в последний раз. Это случилось в Ирпене в доме на Толстовской улице, 10, где проживала тогда матушка у прихожанки Ирпеньской катакомбной общины Елены Бабенко и где совершались тайные богослужения. Живший в том же доме матушкин послушник, 17-летний юноша Михаил Нечитайленко вспоминал, что вечером после богослужения матушка вдруг отправила его и еще нескольких обитателей этого дома, в том числе иеромонаха Савву, на ночь к разным знакомым. Каким-то чудесным образом ей удалось предвидеть, что в эту ночь произойдет арест, и спасти своих близких от этой участи. Уходя, они видели некий огненный столп, прошедший сквозь крышу дома, в котором оставалась матушка. А наутро от хозяйки дома узнали, что схиигумению арестовали, и все поняли, от чего она их уберегла¹².

Матушке предъявили обвинение в контрреволюционной деятельности.

На допросе схиигумения София отвергла это обвинение, но подчеркнула, что на коммунистическое течение смотрит как на течение антихристианское, которое враждебно христианским идеям.

¹² Воспоминания Михаила Даниловича Нечитайленко, послушника схиигумении Софии (Гринёвой): Аудиозапись. – Архив В. В. Шумило.

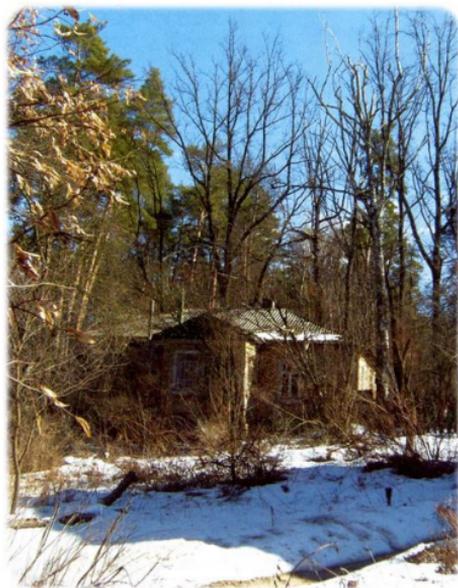

Икона Пресвятой Богородицы «Отрада и Утешение»

Общий вид

Киево-Покровского женского общежительного монастыря. 1912 год

Дом в Ирпене, в котором жила Е. Д. Бабенко

*Домик в селе Покров, в котором прошли последние годы жизни
матушки Софии*

Преподобноисповедницу первоначально приговорили к высылке в Казахстан, но потом смягчили наказание, разрешив ей жить в центральной части России, однако запретив проживание в Украине и в столичных городах¹³. По воспоминаниям членов Ирпеньской общины, смягчение приговора произошло стараниями одного прихожанина. Сохранилось лишь его имя – Калинин. Он со своей женой собрал довольно крупную сумму денег и заплатил одному из чиновников, чтобы приговор был смягчен¹⁴. Так поступали древние христиане, подкупая стражников, пронося мученикам еду, лекарства, выкупая их тела после мучений и т. п.

До 1933 года схиигуменья София жила в Путивле, лишённая общения со своими сподвижниками. Она многократно писала письма в органы ГПУ с просьбой разрешить ей вернуться на прежнее место жительства¹⁵. Письма оставались без ответа. В досрочном освобождении из высылки матушке отказали.

Ирпеньская община просуществовала без схиигумении Софии ещё несколько лет, окормляемая разными священниками. Но как бы потаенно они ни жили, в июле 1937 года община была раскрыта, семь её членов арестованы. Одного из них приговорили к расстрелу, осталь-

¹³ ЦГАООУ, г. Киев. – Ф. 263. – Оп. 1. – Д. 460. – Л. 43.

¹⁴ Воспоминания Михаила Даниловича Нечитайленко.

¹⁵ ЦГАООУ, г. Киев. – Ф. 263. – Оп. 1. – Д. 460. – Л. 46.

ным шести 4 сентября того же года дали срок 8-10 лет лагерей. Их отправили под Магадан, в лагерь Могла¹⁶. «Бабенко прислала об этом телеграмму Покровским монахиням, проживавшим потаенно в Киеве. [...] Они написали туда и послали ей денег, но больше ничего от нее не получили»¹⁷. По-видимому, все они погибли.

Схиигумения София выехала в село Покров Ростовского (ныне Жуковского) района Московской (ныне – Калужской) области. Со свойственной ей дружелюбностью и привлекательностью матушка быстро расположила к себе общину верующих в этом селе. С их помощью был обретен дом для проживания схиигумении и выехавших с нею сестер. Природная доброта преподобноисповедницы настолько располагала к себе окружающих, что в любом месте своего пребывания матушка оказывалась в кругу доброжелателей и проповедовала Христа.

Преподобноисповедница преставилась в 1941 году, мирно отойдя ко Господу на 69-ом году жизни. В последние свои минуты на земле

¹⁶ ЦГАООУ, г. Киев. – Ф. 263. – Оп. 1. – Д. 33122. – Л. 82-87. Д. 66902. – Т. 1. – Л. 6-82. См.: *Шкаровский М. В.* Иосифлянское движение в Киеве в первой половине 1930-х годов... – С. 220.

¹⁷ *Польский Михаил, протопресв.* Покровский женский монастырь в г. Киеве / Протопресв. М. Польский // Новые мученики Российские. – Джорданвилл, Нью-Йорк: Изд. Свято-Троицкого монастыря, 1957. – Т. 2. – С. 170.

матушка, как и всегда, была окружена любящими ее людьми. Русская Зарубежная Церковь в 1981 году причислила игумению Софию (Гринёву) к лику Святых Новомучеников и Исповедников Русской Церкви, Украинская Православная Церковь Московского Патриархата канонизировала преподобноисповедницу Софию в 2012 году.

Матушка София в селе Покров

Матушка оставила потомкам свой архив. В тридцатых годах она, опасаясь новых арестов, передала его одному из прихожан катакомбного Ирпеньского храма, семнадцатилетнему юноше,

своему послушнику Михаилу Нечитайленко, будущему священнику Катакомбной Церкви. Михаил Данилович, после ареста и ссылки схиигумении Софии, поддерживал с нею связь по переписке. От него и попал к нам альбом матушки. Можно предположить, что альбом был для святой игумении постоянным спутником, и она очень дорожила им; недаром, опасаясь ареста, позаботилась о его сохранности.

В 1998 году В. В. Шумило, собирая материалы о приходах Катакомбной Церкви на Украине, обнаружил в архиве Михаила Даниловича этот альбом, после чего началось изучение рукописи и подготовка ее к публикации.

Прежде чем рассказать о содержании альбома, сделаем несколько предварительных замечаний общего характера. Альбом писался приблизительно с 1904 по 1911-13 годы. Начиная записи, схиигумения София сделала указание: «Несколько стихотворений, написанных мною в 1902-м, 1903-м, 1904-м годах». Первые страницы, таким образом, – это ретроспективная запись написанных ранее произведений. О том, что альбом был начат именно в 1904 году, может свидетельствовать выгравированный на обложке год: «1904». Очевидно, поначалу матушка не собиралась записывать сюда чужие стихи: на

первых страницах помещены только ее оригинальные произведения. Затем более размашистым почерком, то есть быстро, сделаны записи чужих стихотворений. Именно в этот момент авторский поэтический сборник превращается в традиционный альбом XIX века, в который заносится все интересующее, и свое, и чужое. Сложно установить точные даты написания тех или иных стихотворений, большей частью схищигумения София не подписывает их. Рассчитанный на личное пользование, альбом не нуждался в таких условностях, как датировка. Приблизительно с 1910 года автор начинает датировать свои стихи и, более того, тщательно подписывает авторов, а под своими стихотворениями ставит собственную подпись. Круг авторов, чьи стихи появляются в альбоме, к 1911 году становится очень широким, и матушка сама чувствует необходимость оригинальные стихи подписывать и датировать.

Тем не менее, вопрос об авторстве некоторых стихотворений остается открытым. Неоднократно в альбоме встречаются стихотворения, которые никак не подписаны, но на самом деле являются произведениями малоизвестных авторов XIX-XX веков. Среди друзей матушки Софии были поэтически одаренные люди, стихи которых она записывала в альбом. Имена этих людей не всегда удается восстановить, поэтому при публикации стихов мы лишь предпо-

ложительно некоторые произведения указываем как сочиненные преподобноисповедницей Софией.

Перелистывая поэтический альбом матушки Софии, с самой первой его страницы, с эпитафия, ловишь себя на странном ощущении: вдруг начинают всплывать в памяти стихи известных русских поэтов. Читаешь эпитафия – а вспоминается Лермонтов... Эпитафия к альбому звучит так:

*Так я прошу Твоей любви
С слезами жаркими, с мольбою
Так чувства лучшие мои
Я изливаю пред Тобою.*

Это четверостишие очень близко к последней строфе известного стихотворения М.Ю. Лермонтова «Нищий»:

*У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.
Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;*

*Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!*¹⁸

Стихотворение Лермонтова посвящено девушке, отвергшей любовь лирического героя. Для описания внутреннего состояния героя поэт использует сюжет из Евангельской проповеди – камень, данный вместо просимого хлеба: «Котораго же вас отца воспросит сын хлеба, еда камень подаст ему?»¹⁹ Лермонтовский герой как бы отвечает на этот риторический вопрос: да, нашелся такой человек, который дал камень вместо хлеба, – это моя возлюбленная. Пылкий юношеский ум не скупится на сравнения.

Схиигумения София берет за основу своего эпитафия последнее четверостишие лермонтовского произведения и переделывает в нем одну – последнюю – строчку: «Обмануты навек тобою» – «Я изливаю пред Тобою». Кроме того, она вносит еще одну едва заметную поправку: пишет слово «Ты» с заглавной буквы. В итоге стихотворение становится обращенным к Богу, меняет свой смысл. Матушка София как бы прочитывает дальше евангельский подтекст: «Аще убо вы зли суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец, иже с небесе,

¹⁸ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. – М., Л.: Академия, 1935-1937. – Т. 1: 1828-1835. – С. 142.

¹⁹ Матф. 11:11.

даст Духа Святаго просящим у Него?»²⁰ Схиномения словно говорит: люди бывают отвергнуты, подобно лермонтовскому герою, потому что не у того просят. Нужно просить у Того, Кто всегда любит и не отвергает никогда. Эта мысль прочитывается в эпитафии благодаря двум возникающим за ним подтекстам: лермонтовскому и Евангельскому. Она становится основной идеей всего поэтического альбома: все самые лучшие, чистые чувства человеческого сердца здесь посвящены Богу и никогда не бывают отвергнуты Его любовью.

Таких стихотворных уподоблений и переделок в альбоме очень много, именно из-за них возникает странное ощущение постоянного припоминания чужих стихов, своеобразного просвечивания через одно произведение – другого.

Ярким примером этого «просвечивания» может служить стихотворение, адресованное Всеволоду Александровичу Верховцеву. Верховцевы (глава семьи Верховцевых был устроителем знаменитой Екатерининской железной дороги) были очень набожны и особенно почитали Покровский Киевский монастырь, где и заповедал себя похоронить Александр Аполлонович Верховцев, отец Всеволода. Знакомство же с матушкой Софией продолжалось еще со времен ее

²⁰ Матф. 11:13.

пребывания в обители «Отрада и Утешение». Стихотворение, адресованное Всеволоду Александровичу, очень коротко и является почти дословным воспроизведением нескольких строк А. Н. Апухтина. У матушки оно звучит так:

*Скажи, когда из вражеского стана
Ты убежишь, израненный боец,
Из власти тьмы прельстившего обмана
Полуживой спасешься, наконец?
В твоей груди ни злобы нет, ни лицемерья
На труд любви и жертвы ты готов...
Обитель Чистого, святого Утешенья,
Прими разбитого под свой Смиренный Кров!*

По сравнению с апухтинскими строками изменения здесь очень невелики. У Апухтина в поэме «Год в монастыре» читаем:

*О, наконец! Из вражеского стана
Я убежал, израненный боец...
Из мира лжи, измены и обмана
Полуживой я спасся наконец!
В моей душе ни злобы нет, ни мщенья,
На подвиги и жертвы я готов...
Обитель мира, смерти и забвенья,
Прими меня под твой смиренный кров!²¹*

²¹ Апухтин А. Н. Сочинения. – М.: Тип. А. С. Суворина, 1896. – С. 2.

Матушка София совсем иначе воспринимает монастырь, нежели А. Н. Апухтин, для нее это не «Обитель мира, смерти и забвенья», а «Обитель чистого, святого утешенья». У преподобноисповедницы был совсем не тот опыт знакомства с монастырем, что у лирического героя Апухтина, и все же сходство с апухтинским произведением настолько сильное, что, думается, в этом есть свой смысл. Читая такое произведение, В. А. Верховцев, его адресат, не мог не вспомнить содержание поэмы Апухтина.

Поэма написана в виде дневника молодого человека, который вдруг, ничего не сказав родным, пришел в монастырь и ревностно взялся за послушания. На первых порах он воодушевлен, весел и искренне радуется монастырским порядкам и общению со святыми старцами. Но через некоторое время выясняется, что не святые побуждения подвигли его оставить мир, а сложные взаимоотношения с любимой женщиной. Мысли об этом все сильнее овладевают умом несчастного послушника, и через год, накануне своего пострига, он получает письмо от этой женщины и решает позорно бежать из монастыря. Совесть останавливает его, но теперь уже монастырь кажется ему какой-то жуткой каррой, мертвенным склепом, в котором он будет обречен доживать свои дни, не живой и не мертвый. Автор хорошо описывает помутненное страстное состояние героя, его душевные

муки, страдания от неверия. Они кажутся еще страшнее оттого, что несколькими строками выше герой был упоен чистотой монастырской жизни и восхищался своей новой обителью.

Эта печальная история из модной в то время поэмы Апухтина должна была живо припомниться Всеволоду Александровичу, когда он получил матушкино стихотворение. Оно призывало молодого человека вернуться в Церковь, от которой он отпал в юношеские годы и теперь мучается, как герой апухтинской поэмы. История Всеволода Александровича очень трогательна и знаменательна для раскрытия характера преподобной Софии.

Всеволод Александрович рос благочестивым и очень веселым человеком. В юношестве общение с высшим светом, увлечение «передовыми» идеями и начало стремительной карьеры совершили переворот в душе Всеволода. Он стал исповедовать атеизм, порвал отношения с глубоко верующей матерью и постепенно превратился в замкнутого, душевно страдающего и, наконец, нервно больного человека. Его мать, тяжело переживая отпадение сына, однажды решила вместе с дочерью провести зиму в обители «Отрада и Утешение». В это самое время приехавший домой Всеволод Александрович никого не застал и был вынужден для встречи с родными поехать в монастырь. Там он познакомился с игуменией Софией. Последняя, узнав

историю Всеволода и увидев на его лице отображение тяжелых душевных переживаний, очень жалела молодого человека и горячо молилась о его обращении. Молились об этом и все сестры обители, которые со временем также узнали о его душевной трагедии и успели полюбить его за порядочность и доброту. У матушки Софии даже стояла на столе фотография Всеволода Александровича, которую ей подарила его мать для усугубления молитв о сыне. Однажды, призвав Всеволода к себе в келью, матушка София при нем приложила губами к его фотографии и после этого попросила исполнить одну ее просьбу. Всеволод, умиленный таким поступком матушки, сразу же согласился. Тогда игуменья попросила его на всенощной приложиться к святому образу преподобного Серафима Саровского так же, как она сейчас приложила к его фотографии. Всеволод был расстроен этой просьбой, но отказать не смог. Во время всенощной весь храм был свидетелем его глубочайшей внутренней борьбы, с которой он то подходил к иконе, то в неуверенности отступал. На его лице отражались сильнейшие муки совести, внутренняя борьба была очень велика, и все с замиранием сердца ждали и надеялись на благополучный исход этой борьбы. И все же сила Божия перемогла, он перекрестился и приложился к образу. С этого момента началось его медленное возвращение в Церковь. Со

временем он стал послушником в одном из мужских монастырей и скончался очень рано, в возрасте 35-ти лет, завершив свой жизненный путь благочестиво, с радостью о Господе²².

Вопрос об уходе в монашество и о светской жизни не единожды становится темой стихотворных размышлений схиигумении Софии, ее стихов-наставлений, стихов-утешений и стихов-писем друзьям и близким. В альбом помещено, как минимум, два стихотворения, адресованных родной сестре преподобноисповедницы, Марии Евгеньевне Гринёвой-Поповой и являющихся ответом на недоуменные вопросы сестры о выборе иноческого пути. Одно из стихотворений так и называется «Ответ»:

*Прости меня! Поведать мне
Моей больной души волненья
И дух молитвы передать
Мне не велит мое смиренья.*

*Ты поняла — я умерла,
И всё покинувши в том мире,
Я Богу в жертву принесла
И сердца жизнь и звуки лиры.*

*Прости! Я пред Тобой молчу...
Благослови мое молчанье!*

²² См. подробнее: Милосердие Божие: Из воспоминаний Н. А. Верховцевой // Даниловский благовестник. — 1998. — № 9. — С. 102-106.

*И дай мне Господу принести
Мое безмолвное страданье.*

Сестры Гринёвы были очень близки в детстве и всю жизнь, до отъезда Марии Евгеньевны в эмиграцию, поддерживали связь. Когда в тридцатых годах матушка София чудом получила весточку о сестре через Елену Концевич, она бесконечно радовалась об известии и скорбела о разлуке с любимой Машенькой²³. Скорбела она и о том, что сестра избрала иной путь. Мария Евгеньевна опубликовала одно из стихотворений матушки Софии, адресованное ей. Это стихотворение матушка не стала записывать в альбом в том виде, в каком отдала его сестре. В публикации Марии Евгеньевны оно звучит так:

МОЕЙ СЕСТРЕ

*Любила ль Ты Христа всей силой помышленья?
Стремилась Ты к нему в надежде и с тоской?
Просила ль Ты Его в слезах и умиленьи
Той силою любви, высокой и святой?
Тобой любимый свет Тебя втянул без спора,
Ты не смогла понять в нем жизни пустоты,
И над Твоей головкой непокорной
Летели мимо лучшие и светлые мечты.*

²³ Игуменья София Покровского монастыря города Киева: Воспоминания родной сестры Марии Евгеньевны Поповой (урожденной Гринёвой) // Православная жизнь (Джорданвилль, США). – 1956. – № 1. – С. 10-15.

*Ты сознавала ли, что у Тебя две силы
Борались трепетно в измученной груди:
Одна – на небеса к Нему Тебя манила,
Другая – не смогла подняться от земли.*

Думается, это стихотворение было написано до 1902 года, поскольку, начиная записи в альбоме, схигумена София первым записывает именно его, но в расширенном и переделанном варианте. В альбоме это уже не просто обращенное к сестре стихотворение, а стихотворение-размышление о сути монашеской жизни. В альбоме в этом произведении матушка не столько сожалеет об избранном сестрой светском жизненном пути, сколько утешает ее словами о Господе, о Его спасительной силе:

ДРУГУ

*Любила ль ты Христа? Всей силой помышленья
Звала ль Его к себе слезами и тоской,
Молилась ли Ему порывом восхищенья,
Всей радостью любви высокой и святой?*

*Искала ль ты Его везде под небесами:
В мерцании луны за дальнею горой,
В глубокий ночи час под кроткими звездами,
В румянном блеске зорь вечернею порой?*

*Глядя на чудный Лик Господень на иконе
Божественный, благой... ты в сладостной молитве
Вверяла ли Ему души смиренной долю
И преданность назначенной судьбе?*

*Ты сознавала ли, что у тебя две силы
Боролись трепетно в измученной груди —
Одна на небеса к Нему тебя манила,
Другая не могла подняться от земли?*

*Рыдала ль ты пред Ним, в тоске сжимая руки,
Несла ль к Его ногам восторги и цветы
И забывала ли свои земные муки,
Когда младенчески Ему вверялась ты?*

*О, да! Он нес тебе всегда успокоенье,
Дарил тебе любовь, отраду и покой,
И горе тяжкого и горького сомненья
Блаженно отводил спасительной рукой.*

Стихи Матушки Софии просты и бесхитростны, мы не найдем в них каких-то особенных изысков словесного искусства, столь популярных в поэтической среде начала XX века. Мы не найдем в них и того бережного отношения к авторскому праву, к точности написания и воспроизведения, которые характерны для людей, профессионально занимающихся поэзией. Очевидно, поэзия преподобноисповедницы далека от притязаний на то, чтобы «сказать свое слово в искусстве», стихи для матушки — это способ размышлений, написания писем и изящных посланий друзьям, тип дневниковых записей. Именно поэтому авторское право в поэтическом альбоме не играет никакой роли: стихи переделываются, заимствуются у других поэтов, редактируются, переадресовываются, по-

лучают новое название. Автор может быть не всегда подписан под стихотворением... Но именно этот способ «свободного стихотворного мышления» придает особое благоухание альбома, делает его законченным поэтическим произведением.

Можно предполагать, что этот способ поэтического мышления, когда одно произведение «просвечивает» через другое, записывается в разных вариантах, редактируется, схиизгумения София позаимствовала из православного богослужения. В средневековье, когда создавались основные богослужебные тексты, отношение к авторству принципиально отличалось от современного. На первом месте было создаваемое произведение и его польза для спасения души. За всем этим было совершенно неважно, кто является создателем произведения и кто и сколько раз его переписал, переделал в соответствии с назначением. Так возникали произведения поучительного, толковательного и литургического значения. Их авторство большей частью условно, каждый новый переписчик считал возможным исправить неудачный или не подходящий по ситуации фрагмент.

То же самое делает со стихами схиизгумения София. Так, в стихотворении Алексея Степановича Хомякова «Вечерняя песнь», аккуратно переписанном в альбом матушкиной рукой, авторское слово «братья» зачеркнуто и исправлено на

«сестры», что вполне соответствует реальности женского монастыря. В стихотворении Владимира Сергеевича Соловьева, чьи стихи матушка не раз вписывает в свой поэтический дневник, слова «милый друг» исправлены на «нежный друг». Это небольшое исправление так хорошо показывает настроенность матушкиной души, готовой, как Серафим Саровский, всех приходящих любить и всем говорить: «Радость моя», «Мой нежный друг». Через исправление одного только этого слова проглядывает нежная женская душа; автормужчина, наверное, не вписал бы такого трогательного слова в серьезное стихотворение.

Традиция проникновения одного текста в другой, напоминания и редактирования произведений играет большую, можно даже сказать, принципиальную роль в богослужении. Все православное богослужение построено на таких текстуальных и музыкальных уподоблениях, восходящих в своей сути к самому акту создания человека: «И рече Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию»²⁴. По подобию с важнейшими праздничными песнопениями пишутся и поются песнопения менее значительных праздников, новые святые в таких богослужбных произведениях намеренно уподобляются древним, известным святым: Иоанн Крести-

²⁴ Быт. 1:26.

тель – Господу Иисусу Христу, святые преподобные жены – Марии Египетской и так далее. Уподобление намеренно вводится в службу, когда то или иное песнопение Иоанну Крестителю, например, кондак рождеству Предтечи, по содержанию, структуре и напеву почти полностью, с небольшими изменениями, копирует кондак Иисусу Христу на Рождество Христово. Точно также песнопения Кириллу и Мефодию отчасти позаимствованы, но с редакцией, из богослужения апостолам Петру и Павлу. Это своеобразная подсказка автора службы: относитесь к Иоанну Крестителю как к самому ближайшему сподвижнику Христа, а к его рождеству как к прообразу Рождества Христова. Или: относитесь к святым братьям Кириллу и Мефодию, проповедникам и просветителям славян, как к проповедникам Древнего мира апостолам Петру и Павлу. Они также велики и едины, как святые Петр и Павел. Уподобления и напоминания, выраженные на музыкальном уровне богослужения, имеют и термин для своего обозначения – «подобен», так называется напев, указывающий, что послужило образцом для данного песнопения на музыкальном и смысловом уровне. Так, стихиры на Рождество Пресвятой Богородицы подобны стихирам на Благовещение, что указывает на истинный смысл Ее рождества и на Ее великое предназначение; стихиры на погребение человека подобны песнопениям Страстной

Пятницы и Великой Субботы, что указывает ближним на грядущее воскресение всех умерших и на Того, благодаря страданиям Которого мы имеем упование на это воскресение. Примеров можно приводить множество. Вся средневековая литература, все богослужение пронизано уподоблениями, прообразами, напоминаниями, и держится на них. Прообразование и уподобление является одним из основополагающих принципов православного мировоззрения.

Думается, матушка Софья в альбоме использует тот же принцип уподобления, «подобна», когда берет за основу чужое стихотворение, переделывает его в соответствии с обстоятельствами своей жизни. Нередко стихи, адресованные каким-либо поэтом любимой женщине, матушка переделывает в стихи, обращенные к Богу, изменяя при этом лишь написание слова «Ты» (матушка пишет с заглавной буквы) и внося небольшие поправки в текст, как это было показано на примере эпиграфа. Этим преподобная как бы указывает на истинную Любовь – на ту, что подобна земной любви между мужчиной и женщиной, но во много раз выше, чище и значительнее. Как бы подчеркивая параллель и прообразовательность между земным браком и тем, как она уневестилась Христу, схиигуменья Софья использует известные стихи великих поэтов для создания новых – о монашеской любви и небесном чаемом браке.

Так, например, схиигумения София берет за основу стихотворение Алексея Константиновича Толстого, обращенное к женщине:

*На нивы жёлтые нисходит тишина;
В остывшем воздухе от меркнущих селений,
Дрожа, несётся звон. Душа моя полна
Разлукою с тобой и горьких сожалений.*

*II каждый мой упрёк я вспоминаю вновь,
II каждое твержу приветливое слово,
Что мог бы я сказать тебе, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронил сурово!*

Известно, что А. К. Толстой посвятил эти строки своей жене, Софье Андреевне Миллер. Очень трогательное стихотворение передает тончайшие оттенки чувств искренне любящего сердца: лирический герой упрекает себя за неумение любить и ненужную суровость к любимому человеку, из-за которых он переживает разлуку с возлюбленной. Это тонкое чувство вины и самоукорение очень близко к тому, в каком отношении к Богу обычно оказывается верующий человек: и хочет любить, да не умеет, и рад бы слезно молиться и благодарить, но лишь сурово и сухо твердит слова молитвы. Взаимоотношения между мужчиной и женщиной в этом случае очень похожи, опять же, прообразовательно, на взаимоотношения между Невестой Христовой и ее Небесным Женихом, между душой человеческой и Христом. Вероят-

но, именно поэтому схиигумения София переписывает данное стихотворение Толстого в альбом, но не просто переписывает, а изменяет, как она это обычно делает, прописную «т» в слове «ты» на заглавную и, таким образом, адресует стихотворение Богу.

Конечно, для прочтения этих поэтических подтекстов: Лермонтова, Соловьева, Мережковского, Толстого – нужны определенное литературное чутье и хорошее знание русской и мировой литературы. Но это не означает, что прочтение подтекста обязательно и что стихи схиигумении сколько-нибудь сложны для восприятия. Нет, они просты и легки, даже без знаний о прототипе стихотворения, о том, что за эпиграфом скрывается Лермонтов, за поэтическим посланием – Апухтин и так далее. Стихи в альбоме доступны любому читателю и настраивают на мирный и молитвенный лад. То же можно сказать и о церковном богослужении, которое имеет бесконечную глубину, множественную символичность и для понимания этого требует колоссальных познаний в области истории, богословия, патристики, искусства и так далее. Но даже без всех этих познаний любого зашедшего в храм богослужение умиляет и настраивает на молитву. Иными словами, альбом матушки Софии – это тоже одна большая молитва, в которой на задний план отошли вопросы авторства, точности, редакции. Это общечеловеческое

благодарное возношение всей земли к небесам, выраженное, благодаря заботливой собирательнице и поэтессе, в стихотворной форме. Такой альбом могла собрать только непрестанно молящаяся душа, для которой весь мир – как храм, все стихи – как молитва, все человечество – как единое воззвание к Богу, вся жизнь – как большое богослужение.

Для XX века такое «богослужebное» отношение к стихам, рассмотрение всего стихотворного мирового опыта с позиции богослужebной молитвы, является уникальным и делает альбом схиигумении Софии неповторимым и единственным образцом ушедшей от нас навсегда культуры дореволюционной России.

В произведении любого автора, как и в речи любого человека, есть несколько индивидуальных ключевых и частотных слов. Эти слова выражают самую суть человеческой души и способны охарактеризовать главные устремления человека. Если мы задумаемся над тем, какие слова в нашей речи являются наиболее употребительными, мы увидим свой словесный портрет и поймем, что для нас главное в этой жизни. Для заботливой матери таким наиболее частым окажется слово «ребенок», для увлеченного ученого такими словами будут определенные термины, для крестьянина – наименования каких-то предметов его хозяйства, для опустившегося человека – соответствующие, может

быть, бранные слова. И каждый раз эти ключевые слова будут отражать самое главное, что есть в мыслях и в душе человека. В поэтическом альбоме Софии (Гринёвой) тоже есть одно слово, которое присутствует буквально на каждой странице и, следовательно, является главным предметом ее душевных забот. Это слово – Любовь. Матушка почти всегда пишет его с заглавной буквы. Все ее основные стихотворные молитвы – либо о стяжании любви, либо изливание этого небесного чувства. Монашество для нее неразрывно связано с любовью к Богу, к Его творению – человеку, ко всему мірозданию. Она постоянно исполнена чувства благоговейной благодарности Господу за это святое блаженство – любить.

БОГУ

*Люблю Тебя, как солнца свет,
Как радость жизни и блаженства,
Как то, чему сравненья нет
В святыхне вечной совершенства.*

*Как утра нежное дыханье,
Когда, сверкая и горя,
В победном свете ликования
Встает красавица заря.*

*Люблю Тебя, Великий Боже,
Отец людей, Царю міров.
Твой Суд и правда мне дороже,
Чем слава тленная рабов.*

*Тебе души моей стремленье
И думы чистые мои.
В блаженном чувстве откровенья
Как близок сердцу, сладок Ты!*

*Отраднo мне с Тобой сливаться,
Тобой дышать, Тобою жить,
Надеждой светлой восхищаться
И без конца любить, любить!*

«И без конца любить, любить!» – вот то самое главное, к чему стремится святая и о чем радуется ее душа. Это высокое чувство сопряжено у нее с необыкновенной простотой и ощущением близости Господа и Его святых: «Как близок сердцу, сладок Ты!», – пишет матушка София. Кто из нас может вот так просто и искренне сказать, как она: «Люблю Тебя, как солнца свет...» Как бы при жизни находясь среди небожителей, святая игуменья с необыкновенной открытостью и, можно сказать, с родственным чувством обращается и ко Христу, и к угодникам Божиим, например, к святой Великомученице Варваре:

СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЕ ВАРВАРЕ

*Ты моя сладкая, чистая, нежная,
Светлая зорька моя!
Ранней весной Тебя лишь узнала я,
Сердцем скорей полюбила Тебя.*

*Что в Тебе было, скажи мне, родимая,
Свет ли божественный жил,
Или Жених Твой, Христос и Спаситель наш,
Душу Твою полюбил?*

*Только с тех пор за тобою, желанная,
Тихо, покорно иду,
Ручкой лелейною твердо управляена,
Может быть, к Счастью приду.*

*Там всё любовь и покой совершенства,
Дивные песни небес,
Ликов бесплотных восторг и блаженства,
Тайны высоких чудес.*

Живя в Киеве, матушка София часто бывала у мощей Великомученицы Варвары, покоящихся во Владимирском соборе, и относилась к Варваре как к своей небесной наставнице и руководительнице, ощущала ее постоянное незримое заступничество, ее присутствие где-то рядом, ее понимание и поддержку. Иначе как объяснить этот настоящий порыв нежности и сладкого благоговения: «Ты моя сладкая, чистая, нежная, светлая зорька моя!» Родственное чувство к святой Варваре было настолько сильно, что София называет Варвару «моя», «родимая», «желанная». Сколько умиления и чистой простоты в этих обращениях. С одной стороны – совершенно неземное ощущение родства с Великомученицей, а с другой – абсолютное отсутствие высокопарности и экзальтации.

Отсутствие экзальтации, простота, умеренность и изящество – вот главные черты, которыми можно было бы охарактеризовать святую игумению, прочитав ее альбом. Но эта характеристика не будет отражать внутренней сути, если не добавить сюда самого главного – любовьобильность. Матушка жила стремлением к познанию любви, ее мысли были прикованы к этому, она будто бы всю жизнь искала ответа на вопрос: «Что такое любовь?» Не есть ли это заповеданное нам святыми отцами непрестанное богомыслие и богопознание? Ибо Бог есть Любовь.

В альбом включен отрывок (по-видимому, из одного письма), который лучше всего отражает искания святой исповедницы. Перед нами своего рода поэтическая проза, эссе, в котором Бог или иносказательно скрыт за словом «Любовь», или, что вероятнее, наречен одним из Своих имен – по Дионисию Ареопагиту, – назван Любовью.

ЛЮБОВЬ

Как часто я просила тебя – расскажи мне о любви, и ты, наконец, исполнила мое желание. «Любовь, – говорила ты, – это нежная неуловимая гостья на Земле. Ее одежды блестящие и сотканы, как лепестки хрупких цветов; ее уборы просты, но исполнены самого тонкого изящества; вся она – чистое духовное благоухание, в котором соединился аромат

природы и нежные волны всех лучших стремлений. Ее взор, сразу проникающий, очень глубок; редкий кто выдержит ее могущественные токи; ее форма непременно прекрасна, и нежные руки, будто слабые в своих объятиях, бесконечно сильны в безграничной работе; ее взоры светятся, как радостные лучи солнца.

Мои святые книги говорят мне, что живет она очень высоко, там, куда не может и не смеет проникнуть неосвященное, неподготовленное сердце, но я чувствую, дитя, как светла, тепла, благоуханна ее родина и как полна непередаваемых звуков дивной музыки. Во всей силе царит она там одна, и никто, поднявшись к ней, не может передать всего очарования, принести сюда все ее величие... Кроме Одного... Кроме Одного...

Однако на Земле и в других лучших мирах чувствую ее живоносное веяние, ее духовно-гармоничный образ и ее глубину. Люди о ней всегда мечтают, воспевают ее в радужных тонах, другие стремятся передать ее Царство в сложных, невыразимо грациозных созвучиях, как ты, ее жадно ищут и ждут в жизни все (и тонко-нежные, и грубые души); одни стремятся дать форме хоть искру ее взгляда, и многие, многие бессильно бьются, подымая залитое слезами лицо к небу... Она неуловима, эта любовь... Она далека от всех вне Христа – Великого Бога, явившегося к людям как полное божественное откровение Любви и Истины.

Зачем же она не спускается к слабым людям, это будто эфемерное создание, эта их бесконечная мечта? Разве она сказка или действительный бред обманутого большого сердца? Разве боится она запачкать свои блестящие одежды, измять свою лилейную белизну небесного происхождения или сомневается в силе и власти своего бездонного взгляда?

Милое дитя, она никого и ничего не боится... Она все переносит, во всем возможна. Покидая свое блаженное Царство, где все напоено ее дыханием, она забывает гармонию непередаваемых звуков, теплый оживляющий свет своей Сферы, богатые разнообразные краски, безмятежное счастье высшего существования, она все оставляет, и сходит с высоты...

Посмотрите! Ее руки любовно протянуты, глаза напоены лазурью бесконечного участка и снисхожденья, походка остается легкой, прикосновения нежными. И люди встречают ее...

Ее встречают хор насмешек, жестоких слов и унижений, суровые руки безумцев небрежно раздирают ее одежды, не щадят ее стыд, не щадят ее терпенье и ее гибкую покорность, ее красивая форма не останавливает легкомысленных, они бывают довольны и спокойны, когда забрасывают ее пылью и грязью своего пути. Мало этого! Они презраждают ее царственное шествие, ей роют ямы, наполняя их острыми колючками, ей сплетаются колючие терния и усыпают дорогу камнями. Униженная, оплеванная и израненная, она тихо поднимает голову и продол-

жает свой путь. Ей подносят яды в напитках, на нее обрушивается дождь метких стрел, она царственна в своем страдании, не замечая ран, забывая об оскорблениях, исполнена все тех же сладких звуков, благоуханных молитв и неистощимой энергии вдохновения. Отчего же так случается, что ее, божественную посланницу, так встречают люди, о которой просили, плакали и пели? Или перестало струиться к ним ее очарование, как только она подошла к ним близко? Или они позабыли ее святую область? Нет, дитя, люди по-прежнему славят, ожидают и тоскуют о ней, и никто, никто не замечает, что она на земле, что вняла она мольбам исстрадавшегося сердца. Но сходя в чуждый ей мир, она скрыла свои царские покровы под самой простой одеждой, умерила силу своего взгляда, она стала маленькой, тихой, незаметной, нежной, кроткой гостьей и сохранила только высокую идею и святое стремление. Когда пишут, говорят о ней, когда поют и страдают, она становится пред ними и с бесконечной лаской, доверчиво протягивает свои объятия, но ее отталкивают, ненавидят и иногда чуть не проклинаяют [как] самозванку.

Она же истинная Царица, дитя!

Ей нельзя явиться к нам в царской одежде, т. е. в полной красоте и силе своего духовного образа. Она является нам такой, какой мы можем ее понять, какой мы ранее хотели ее около себя видеть, но всегда она божественная посланница.

Если мы поймем, оценим, приютим ее у себя в смиренном образе, тогда мы почувствуем ее неземное благоухание, постигнем мудрость ее взгляда, великодушие ее сердца и могущество ее благодетельного присутствия.

Она поднимает наши усталые сердца, наполняет и ободряет измученные пустые души, очищает измятую земную одежду и утешает надеждой на лучший исход.

Она целует и закрывает наши раны своими легкими прикосновениями. И теперь она с нами, ибо она приходит не в буре и смятении жизни, не в горящем пламени, не в роскоши, не в забвении, она всегда в тишине, в кротости, в восторженном обожании, в прощении, в нежной ласкающей дружбе, в духовном смирении, в проникновенном участии и в твоих раскаянных слезах!

Она с Нами, дитя!»

23 декабря 1911 года.

Вот этими мыслями и жила святая исповедница, этими чувствами было преисполнено ее сердце: любовь ко всем и скорбь о мире, отвергшем Божию любовь, не умеющем увидеть ее и жить с нею в блаженстве. Отсюда, очевидно, и постоянное желание матушки утешить, приободрить, согреть. Современники вспоминают, что вокруг созданной матушкой обители «Отрады и Утешения» быстро образовалось целое поселение простого народа, перебравшегося поближе к полюбившейся настоятельнице, к вос-

становленному ею храму и помогавшего обителю, кто чем может. Небольшая молодая обитель, «нищая», как откровенно пишет о ней С. А. Никус, просуществовав буквально пару лет и даже не успев еще оформить все необходимые бумаги о владении землей, храмом и о своем существовании, была вынуждена быстро построить гостиничные корпуса. Значит, был большой приток паломников-богомольцев, которых срочно нужно было где-то размещать. Что же так сильно привлекало людей к этой удивительной игуменье, если не излучаемая ею любовь и не утешение, которое она умела дарить людям?

Вот еще одно небольшое прозаическое сочинение, помещенное в альбоме, которое можно было бы назвать «Утешением всех скорбящих и ободрением всех унылых». Это отрывок из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня», последний монолог Софьи. Напомним, что в пьесе Софья произносит эту речь, обращаясь к своему дяде, главному герою пьесы, и успокаивая его и себя после того. Как обоим становится ясно, что их самые светлые мечты о любви несбыточны, им обоим предстоит скучная и нелегкая уединенная жизнь. Они оба остаются в полупустом доме и видят впереди лишь одинокую старость. Оба плачут во время этого монолога, который звучит не столько утешительно, сколько грустно и безысходно. Однако в момент безысходности Софья вдруг, впервые во всей пьесе, начинает

говорить о вечности, о Боге, о Небесном царстве. Именно этот отрывок привлек внимание схиигумении, однако, переписывая его, она оформляет речь Софьи как отдельное произведение, дает ему название, убирает из нее обращения к дяде Ване. Вырванный из произведения, этот монолог утрачивает оттенок безысходности и звучит утешительно и жизнеутверждающе.

МЫ ОТДОХНЕМ

Надо жить! Надо жить! Мы будем жить!

Проживем длинный-длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам жизнь, будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя... А когда наступит наш час, мы покорно умрем, и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько!

И Бог сжалятся над нами, и мы с тобою, милый, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой и отдохнем. Я верую, я верую горячо, страстно...

Мы отдохнем! Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим небо в алмазах, мы увидим, как всё зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежной, сладкою, как ласка.

*Я верую, верую, бедный, бедный, ты плачешь...
Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди...
Мы отдохнем! Мы отдохнем! Отдохнем!*

Такие слова утешения складывала в своем сердце святая игуменья для скорбящих и унылых. И не только утешить и приободрить, но совершенно изменить душевный настрой человека, превратить его из атеиста в глубоко верующего, из тепло-хладного – в горячего ревнителя о Боге могла матушка София. К ней обращались с просьбами вразумить, поговорить, переубедить: матери – неверующих сыновей, жены – мужей-атеистов; известен случай, когда матушка так благодатно подействовала на присланного к ней в обитель священника, страдающего пристрастием к спиртному, неблагоговейного, священника по профессии, а не по призванию, что он совершенно переменялся после одного разговора с матушкой. А она лишь от души посочувствовала несчастью, случившемуся с ним. И этого искреннего сочувствия было достаточно для того, чтобы человек коренным образом переменял свою жизнь. Сколько же любви было в этом сочувствии?..

Случаи обращения матушкой Софией к вере неоднократны. Один из них заслуживает особого внимания, тем более что он получил отражение в альбоме.

Схиигуменья София как-то познакомилась с известным спиритом Владимиром Павловичем

Быковым. Он долгое время являлся одним из теоретиков модного в то время спиритизма, написал несколько книг об этом, выпускал регулярные спиритические журналы, состоял в масонской ложе. Иными словами, в возможность обращения такого человека, казалось бы, сложно поверить. Но в результате бесед с матушкой Владимир Павлович обрел православие и не только отвернулся от спиритизма, но издал труд «Спиритизм под судом науки, общества и религии». Впоследствии Владимир Быков стал священником и написал еще несколько книг о православии, в частности, об Оптиной пустыни. Надо думать, это обращение стоило немалых душевных сил матушке Софии, в память о нем она переписывает в альбом часть стихотворного письма Владимира Павловича. Оно дышит благоговением к милостивой наставнице, восторгом перед вдруг открывшейся Истиной и радостью о Господе. Завершая письмо, новообращенный пишет: «Вот как я живу, о чем думаю и куда стремится мое сердце. Туда, туда в голубую высь...», — и вдруг снова переходит на стихи:

*Где в безбрежном просторе
С родною и близкою душой
Все выше и выше взлетать,
Как в нежно ласкающем море,
Спасаясь в той песни святой;
«Помилуй нас, Боже!» — за ней повторять...*

Эти немного экзальтированные, но бесконечно искренние стихи, очевидно, дороги преподающей благодетельнице, поскольку выстраданы взыскующей Бога запутавшейся душой. Матушка прощает Владимиру Быкову его экзальтацию, не обращает на нее внимания, но аккуратно переписывает письмо в альбом со всеми сложными эпитафиями, полустихами-полупрозой.

Так любовно она относится ко всем людям, именно этой любовью она приводит их к Богу. Послушник схиигумении Софии Михаил Данилович Нечитайленко, о котором написано выше, вспоминает: «Я очень любил матушку Софию – как Ангела Божия, и она, конечно, этого заслуживала»²⁵.

Отдельно стоит сказать о тех стихах в альбоме, которые не принадлежат схиигумении Софии и не переделывались ею, а просто были переписаны по памяти или с листа. Таких стихов очень много. Особенно во второй части альбома, когда он перестает быть ретроспективным и становится своеобразным поэтическим дневником матушки. Среди поэтов, стихи которых переписывает преподающая, встречаются Михаил Юрьевич Лермонтов, Яков Петрович Полонский, Алексей Константинович Толстой, Алексей Степанович Хомяков, Константин Константинович Романов, малоизвестные со-

²⁵ Воспоминания Михаила Даниловича Нечитайленко.

временному читателю духовные поэты конца XIX – начала XX века Елена Федотова, Константин Фофанов, Виктор Жуков и многие другие. Обращение к стихам великих русских поэтов свидетельствует об интеллектуальной и эстетической грамотности матушки и соответствует ее биографии: из аристократической семьи, студентка консерватории, подававшая большие надежды. Гораздо удивительнее тот факт, что в альбоме неоднократно встречаются те поэты, которые во времена монашества и игуменства преподобной только начинали становиться популярными, едва успевали напечатать свои первые стихи в литературных журналах. В начале XX века восходит на пик своей славы В. С. Соловьев, становится популярным Д. С. Мережковский, печатает свои первые произведения Т. А. Щепкина-Куперник. Иными словами, уже будучи монахиней и игуменией, матушка София продолжала интересоваться живым литературным процессом, читала популярные литературные журналы, общалась с пишущими людьми (давала им альбом для автографа). Так, в альбоме помещены стихи, в начале века печатавшиеся в журнале «Нива», газете «Утро России» и в других изданиях. В альбом переписан ранний вариант стихотворения «Слова» Поликсены Соловьевой, которого нет в доступных печатных изданиях, поскольку автор в другие сборники давал сокращенную редакцию произведения.

Нужно было жить в русле своей поэтической эпохи, чтобы стать обладательницей ранней редакции стихотворения знаменитого автора, какой тогда становилась П. С. Соловьева. Таким образом, перед нами вырисовывается замечательный портрет преподобноисповедницы: активной, энергичной, нежной, любящей, непрестанно молящейся, заботливой и дорожащей своими близкими.

Елизавета Федоровна

Может быть, этот образ не вполне сочетается с классическими представлениями о монашеском аскетическом житии, о смиренном и самоуглубленном молчании, о неспешности упразднившегося от мира инока. Это ощущение некоторого несоответствия ригористическим представлениям об иночестве и тем, какою мы видим схиигуменню Софию, не случайно.

Действительно, к началу XX века в России сформировался некий новый тип монастырей, который, если бы не случилось революции, мы могли бы со временем увидеть во всем блеске благочестия. Сейчас же можно лишь констатировать, что к рубежу эпох монашество, особенно женское, вышло в Российской империи на новый этап развития. Монастыри прекратили быть сугубо отшельническими аскетическими заведениями для молитвенников и нестяжателей, обители начали нести активное социальное и миссионерское служение, живо участвовать в жизни своего народа. Самым ярким примером такого служения может быть знаменитая Марфо-Мариинская обитель преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. При обители Великая основательница устроила приют для бездомных, лечебницу, лазарет, курсы для девочек. Обитель занималась тем, что подбирала на улицах бездомных детей. Иначе говоря, была организована деятельная христианская помощь всем несчастным и обез-

доленным, требовавшая от основательницы огромного физического и душевного труда. Елизавета Феодоровна, ощущая некоторую новизну, привнесенную ею в монашеское устройство обители, заботилась о возрождении древнего чина диаконис, который наиболее соответствовал такому активному образу жизни и общения с миром²⁶.

Преподобномученица Елизавета была в этом не одинока: целая волна подобных преобразований охватила тогда русскую монастырскую жизнь. При монастырях создавались дома трудолюбия (вспомним опыт святого праведного Иоанна Кронштадтского), лазареты, школы для сирот. В жизни империи XIX – начала XX вв. начиналась эпоха подъема филантропии. Как писал современник схиигумении Софии протоиерей Феофан Сребрянский, «Человечество [...] в лице лучших людей, известных общественных благотворителей, выступило на борьбу с грехом жизни и плодами его – страданиями людскими, для чего создали и создают целые ряды соответствующих учреждений, чтобы облегчить жизнь бедным, больным и вообще нуждающимся в поддержке»²⁷. Отмечая всеобщую

²⁶ См. подробнее: *Миллер Любовь*. Святая мученица Российской Великая княгиня Елизавета Феодоровна. – Frankfurt am Main: Посев, 1988.

²⁷ *Сребрянский Феофан, протоиерей*. Пояснительное слово об открываемой в Москве Ея Императорским Величеством

вдохновенность благотворительностью, протоиерей Феофан указывает, что до сих пор (то есть, в контексте его работы, до открытия в Москве Марфо-Мариинской обители милосердия) эти настроения не касались Церкви, которая, хотя в первые века христианства и занималась деятельной помощью страждущим, и даже определила особый тип такого служения в чине диаконис, со временем, однако, отошла от этого, а сам чин исчез. И вот, в начале XX в. возникла Марфо-Мариинская обитель, которая призвана была, волей вдовствующей княгини Елизаветы Феодоровны, восстановить исчезнувший чин, а вместе с ним и народное представление о Церкви как о действенной помощнице своему народу.

Церковь впервые за долгие годы откликнулась на общественное благотворительное движение, и в этом нужно видеть не только заслугу преподобномученицы Елизаветы, но и какое-то общее внутрицерковное движение к новому служению. Так, о возрождении чина диаконис писала еще одна молодая и деятельная игуменья – преподобная Екатерина Леснинская (прославлена во святых Русской Зарубежной Церковью). Она также при монастыре создала приют для сирот, организовывала детские праздни-

Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной Марфо-Мариинской обители милосердия. – М.: Синодальная типография, 1909. – С. 3.

ки, ввела в традицию монастыря заботу об обездоленных детях²⁸.

В 1909 году в Сергиевом Посаде вышла работа игумении Екатерины Леснинской «Диакониссы первых веков Христианства»²⁹. Игуменья Екатерина посвятила работу одной главной идее: чин диаконис необходим нынешнему обществу, он превосходит собой монашеский подвиг и является более высокой степенью совершенства. Автор довольно резко критикует монастыри тогдашней России за их бездействие, необразованность руководства и насельниц. «Россия, дорогая великая Россия, – пишет игуменья Екатерина, – [...] неужели в чадолюбивом лоне твоём не окажется ни одной истинно-православной дочери наподобие тех, которых нам уже подарила Церковь [автор имеет в виду диаконис первых веков христианства] [...] Нет, много их, [...] знают они, что наступили решительные времена, что теперь, может быть, так же, как и тогда, нужны мироносицы, нужны диакониссы»³⁰. Сама игуменья Екатерина создавала свой монастырь именно как древнюю обитель

²⁸ См. подробнее: Преподобная Екатерина Леснинская: Наставница современного женского монашества. – Промонт: Свято-Богородицкий Леснинский монастырь, 2010.

²⁹ П. Е. [Послушница Екатерина]. Диакониссы первых веков христианства. – Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1909.

³⁰ Там же. – С. 49.

диаконис — по образу деятельности и социальной активности.

Прп. Екатерина Леснинская

По тому же типу создавала свой монастырь и Великая княгиня Анастасия (Романова) Киевская. Она явилась инициатором создания в Покровском монастыре лечебницы, которая вскоре стала одной из лучших в тогдашней Российской империи, приюта и прочих богоугод-

ных заведений. Схиигумения София продолжила это дело, активно трудясь над образованием девочек из приюта (они заканчивали земледельческую школу при монастыре), оборудованию больницы по последнему слову медицинской техники. Деятельный подвиг помощи всем нуждающимся стал стержнем монастырской жизни.

Всех названных святых: преподобномученицу Елизавету, игумению Екатерину Леснинскую, преподобную Анастасию Киевскую и преподобноисповедницу Софию – объединяет несколько черт. Это аристократическое происхождение, прекрасное интеллектуальное и эстетическое воспитание, тяга к красоте природы и слова, забота об обездоленных, особенно же о детях, и активная деятельная монастырская жизнь, каким-то чудом сочетающаяся с подвигом молитвы, поста и уединения. Поясняя суть жизненного принципа диаконисы, Екатерина Леснинская писала: «Монашество для диаконисы было первым условием, необходимым для посвящения в этот сан. Вторым условием было известное образование, известные познания, без которых она, при всем желании, не могла бы не только нести налагаемых на нее рукоположением многочисленных обязанностей, но не сумела бы и приступить к ним [очевидно, игумения Екатерина имеет в виду обязанность диаконисы проповедовать и воспитывать и обучать детей]. Третьим условием была полная невозможность

вести обособленную, затворническую жизнь, в силу этих же обязанностей...»³¹.

*Основательница Киево-Покровского женского монастыря
Великая Княгиня Александра Петровна, во инокинях Анастасия*

Работа игумении Екатерины, разошедшаяся по Российской империи большим тиражом, новые «деятельные» обители – Марфо-Мариин-

³¹ Там же.

ская, Леснинская, Покровский монастырь, Трудовой дом Иоанна Кронштадтского – готовили определенный переворот в жизни русского монашества, которой, может быть, оказал бы значительное влияние на русскую культуру. Этот новый тип женского монашества лишь начинал расцветать в начале XX века и, не успев достигнуть вершины – возродить чин диаконис, войти в традицию Русской Церкви, – он погиб из-за политических катаклизмов³². Мы могли бы увидеть, какие великие плоды принесет такая деятельность, скольких людей спасет и приведет к Богу, если бы революция не разрушила самые основания той жизни.

Вместе с монастырской традицией погиб и тот пласт культуры, отголоском которого является альбом преподобноисповедницы Софии. Недаром в нем так много стихов религиозных мыслителей: что бы сейчас ни говорили о сомнительности их мировоззренческих установок, но в наше время не найти ни одного подобного философа, который бы так привлекал внимание людей к Богу и одновременно писал бы такие

³² Номинально проект о возрождении чина диаконис был одобрен Святейшим Синодом в 1908 году и рассматривался на Поместном Соборе 1918 года, но по политическим причинам указ о возрождении чина не был приведен в исполнение. Исключением стала Марфо-Мариинская обитель, проводящая в жизнь служение диаконис, иногда даже без монашеского пострига, еще до решения Синода.

глубокие религиозные стихи. Рядом с этими глубокими произведениями в альбоме много простых, почти сельских стихов на духовные темы. Все это: и религиозная философия, и сельские идиллии, и монашеское одеяние и

В монастырской аптеке

Прием больных в лечебнице

Группа воспитаниц детского приюта

Группа призываемых слепых

обеты, и экзальтированное письмо Владимира Быкова – как-то уживается в любящем сердце матушки Софии, которое вмещает в себя очень многое и очень многих. Здесь нет места холодной и чопорной аскезе, но в воспоминаниях о схиигумении сохранились указания на ее стро-

жайшие посты. Нет места холодности, но с ранней юности она дала обет безбрачия. Нет места скудости красок, но с молодости она в черном монашеском одеянии. Ее сердце намного больше и выше всех этих внешних строгостей, оно где-то очень близко к Богу, ко всевмещающей Любви.

Настоящее издание печатается по единственной сохранившейся рукописи, переданной нам послушником схиигумении Софии Михаилом Даниловичем Нечитайленко. Воспроизводятся абсолютно все тексты, помещенные в альбоме, за исключением двух позднейших приписок шариковой ручкой, сделанных племянницей Михаила Даниловича и не имеющих непосредственного отношения к стихам. В публикации мы соблюдали правила современной орфографии и пунктуации, сохраняя при этом заглавные буквы в тех словах, где их ставила схиигумения София. В случае если схиигумения София подписывала автора, мы оставляем подпись такой, как в альбоме, если же стихотворение не было подписано, но на самом деле принадлежит какому-то поэту, мы подписываем его имя в косых скобках под стихотворением.

За помощь в составлении биографической справки о преподобной Софии благодарим

инокиню Киевского Покровского монастыря Наталию (Кацаренко). За помощь в компьютерном наборе стихов выражаем благодарность Юлии Одинец.

Надеемся, что чтение доставит Вам удовольствие молитвенного и благоговейного наслаждения поэтическим альбомом схиигумении Софии Киевской.

*С. М. Шумило, В. В. Шумило,
30 июня 2012 г.*

**ТАК Я ПРОШУ ТВОЕЙ
ЛЮБВИ...**

**ПОЭТИЧЕСКИЙ АЛЬБОМ
СХИИГУМЕНИИ СОФИИ (ГРИНЁВОЙ)**

*Так я прошу ТВОЕИ любви
С слезами жаркими, с мольбою.
Так чувства лучшие мои
Я изливаю пред ТОБОЮ¹.*

*Несколько стихотворений, написанных мною
в 1902-м, 1903-м и в 1904-м годах.*

ДРУГУ²

Любила ль ты Христа? Всей силой помышленья
Звала ль Его к себе слезами и тоской,
Молилась ли Ему порывом восхищенья,
Всей радостью любви высокой и святой?

Искала ль ты Его везде под небесами:
В мерцании луны за дальнею горой,
В глубокий ночи час под кроткими звездами,
В румянном блеске зорь вечернею порою?

Глядя на чудный Лик Господень на иконе
Божественный, благой... ты в сладостной мольбе
Вверяла ли Ему души смиренной долю
И преданность назначенной судьбе?

Ты сознавала ли, что у тебя две силы
Боролись трепетно в измученной груди —
Одна на небеса к Нему тебя манила,
Другая не могла подняться от земли?

Рыдала ль ты пред Ним, в тоске сжимая руки,
Несла ль к Его ногам восторги и цветы
И забывала ли свои земные муки,
Когда младенчески Ему вверялась ты?

О, да! Он нес тебе всегда успокоенье,
Дарил тебе любовь, отраду и покой,
И горе тяжкого и горького сомненья
Блаженно отводил спасительной рукой.

ГОСПОДУ ИИСУСУ ХРИСТУ

Я предалась Тебе с восторгом умиления,
Забыв в своей любви весь этот душевный свет,
Забыв друзей, родных, бывшие впечатленья
И грезы юные первоначальных лет.

О светлый взор Христа божественно-прекрасный!

В лучах Твоей любви горит моя душа.
Я вся Твоя всегда и в горести, и в счастье,
Тебе принадлежу, души моей Звезда.

Так укрепи ж, Святой, во брани эти руки
И слабые персты Ты силою свяжи,
Чтоб бодро превозмочь земной юдоли муки
И тягостным путем бестрепетно пройти.

Мне сердце утверди на подвиги терпенья,
На бедное дитя Ты благостно гляди,
Потоки слез приняв в сердечном сокрушеньи,
Ты на грядущий труд меня благослови!

ВЕЧЕРОМ

(Nocturne)

Тихо плывут облака над землею³,
Гаснет зоря.

Ветер чуть слышно колышет травую
– Дремлют поля.

Так ароматно в лесу над рекою!
– Ландыш цветет.

Робкий соловушка с нежной тоскою
Сладко поет.

Рыбка-шалунья, играя с волною
Воду всплеснет,
И серебристой сверкнув чешуею,
В глубь уплывет.

С луга росистого духом разносится
Песня тоски,
Там и костер... Вижу – сети раскинули,
Знать, рыбаки.

И на краю потемневшего неба
Вышла луна,
Близко к ней крупная, ярко и смело,
Блещет звезда.

Ночь ниспускается светло-прохладная
К лику земли,
Взбрызнув обильно росой благодатною
Лес и цветы.

Думой высокой, святой и торжественной
Мир озарен,
Духом Господним, любовью божественной
Он напоен.

Милые, кроткие, светлые звездочки
Ярче горят,
К небу далекому душу печальную
Лаской манят.

Тихо душа тогда крылья расправила
К небу лететь,
Нежное сердце молиться заставила,
Полно скорбеть!

**ПРЕД ИЗОБРАЖЕНИЕМ
«МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ»**

Тихой ночью в саду
При восходящей луне
Ты молился Отцу
О погибшей Земле;
Ты страдал и вздыхал –
Пот катился как кровь,
Как огонь, горяча
Билась в сердце любовь.

*

В напряженной мольбе
Ниц лицом поникал,
От душевной борьбы
То бледнел, то стонал.
Благодатной красой
Был в смиреньи велик
Орошенный слезой
Твой божественный Лик.
Муки скорби Твоей
Кто, поняв, облегчил,
Кто когда из земных
Так безмерно любил?

*

Бог услышал Тебя...
Силу крепости дал,
Но к страстям и Кресту

Все ж Тебя Он послал.
Ты покорно пошел
Волю Божью свершать
И нас, падших людей,
От греха искупать.
Вспоминая Тебя,
Слезы горя мы льем,
И Тебя, наш Господь,
Мы «Спаситель» зовем.

ПРЕД РАСПЯТИЕМ

Я плачу горькими слезами
Печали, веры и любви.
Я вижу Крест перед глазами,
В венке Главу и Лик в крови.
То мой Господь... Как страшно это
Изображенье сердце жжет.
Он – Царь миров, Податель Света,
Распят и умер за народ.
Хотела б чистыми слезами
Тебя, Спаситель Мой, полить,
Святыми песнями-хвалами
Тебя, безгрешного, почитать...
Но бесконечной скорби звуки
Моих падений и грехов
Так немощны... Им сердца муки
Не утолить! Любви ж даров,
Даров Святых принести не в силах.
Грехом, безумная, больна.
Дрожа стыдом, я в добрых силах
Измощена... истощена.
Взгляни светлейшими очами
И скорби сердца утоли,
Пролей мне мир – его струями
И успокой, и обнови!
Припав к Кресту, скорбя без меры,
Целую раны я Твои,
Полна огнем горячей веры
Горит душа в моей груди.

МОНАХИНЕ

Оставь надежды и желанья,
Мечты земли,
Ты умерла, ты в покаяньи
Проводишь дни.

Оставь людей, их увлеченья
И шум молвы,
В печально-сладостном смиреньи
Наплачься ты.

К кому стремится дух горящий,
Мое дитя,
И в высоту тебя манящий,
Скажи, любя!

Скажи, чей образ, полный света,
Занял твой ум,
О ком так часто плачет сердце
В приливе дум?

ОТВЕТ⁴

Прости меня! Поведать мне
Моей больной души волненья
И дух молитвы передать
Мне не велит мое смиренье.

Ты поняла – я умерла,
И всё покинувши в том мире,
Я Богу в жертву принесла
И сердца жизнь и звуки лиры.

Прости! Я пред Тобой молчу...
Благослови мое молчанье!
И дай мне Господу принести
Мое безмолвное страданье.

25-ое Марта
«БЛАГОВЕСТВУЙ, ЗЕМЛЕ,
РАДОСТЬ ВЕЛИЮ»

Лесочки, вы шумите.
Благовещенье!
Ручеечки, вы журчите.
Благовещенье!
В поле птички распевайте.
Благовещенье!
И цветочки расцветайте.
Благовещенье!
Облака с зарей играйте.
Благовещенье!
Всеми красками сверкайте.
Благовещенье!
Небо, солнце величайте.
Благовещенье!
Души грешных веселитесь.
Благовещенье!

ПРЕД ЯСНЫМ СОЛНЫШКОМ

Сердце мне жаждет
Светлой любви.
Господи Боже,
Мне помоги!

Солнце сияет,
Скоро весна
В мире настанет,
Света полна.

Бог Мой Великий,
Я пред Тобой
С чистой, усердной,
Жаркой мольбой...

Лик Твой прекрасный
Не отврати.
Нищую духом
Им озари!

Солнце сияет,
Скоро весна...
Радость настанет,
Света полна.

ВОСПОМИНАНЬЕ

Вчера, когда мне в душу солнышко сияло,
Как эта резвая прекрасная заря,
Вчера, когда мне жизнь лишь счастье обещала,
Была с Тобой тогда светла душа моя.

Вдали в лесной глуши, где сосны и березы
Теснились вокруг зеленою семьей,
Мои глаза, любя, роняли тихо слезы,
Незримо Ты тогда беседовал со мной.

Порыв святой любви, молитвы умиления,
Кто понял вас в тот миг в задумчивой глуши,
Кто разделил с собой в священном вдохновеньи
Жар торжествующей и радостной души?

Молчало все кругом... Цветочек белоснежный
Склонялся тихою смиренною главой,
Как будто плакал он и, ароматный, нежный,
Приняв мою любовь, молился также он.

Я к ветке елочки устами приложилась,
В сверкающей росе она была влажна.
Казалось, Божья жизнь и в ней волной струилась,
И на любовь мою ответила она.

Как хорошо тогда, как радостно мне было,
Когда я с Господом любила и жила,
Земная жизнь моя мне счастье лишь сулила,
Как эта резвая весенняя заря.

УМИРАЮЩЕЙ МОНАХИНЕ

Прекрасна ты, Божье Созданье,
Как струйка ручья серебристая,
Как звездочки кроткой мерцанье,
Как лилия белая, чистая.

Как травочка нежная в поле,
Как солнышка луч золотой,
Как ландыш, расцветший на воле,
Омытый небесной росой.

Люблю твою жизнь терпеливую,
Твой ангельский образ святой,
Улыбку, любовью счастливую,
Привет твоей речи родной.

И крест твоей жизни спасительный,
И скорби мне близки твои.
Я верю, о друг мой молитвенный,
Что ангельски добрая ты.

Молюся душой безмятежною –
Да будешь ты в Царстве Христа
Одетая ризою снежною,
Прекрасна, блаженна, чиста.

За скорби получишь наградою
Два огненно-светлых крыла,
Исполнена Божьей отрадою,
Ты будешь вся – свет, красота!

Увидимся ль Там, незабвенная,
В обителях Бога-Отца?
Где дивная жизнь несравненная,
Сольются ли наши сердца?

П. К. ЧИСТОСЕРДОВОЙ

Люблю я плеск ночной волны,
Небес мерцающие очи,
Дрожащий свет в воде луны
И тихий шепот летней ночи.

Люблю я взгляд твоих очей,
Родной души твоей доверье,
Усладу тихую речей
Про терпеливый путь спасенья.

Люблю тебя в твоём труде,
В правдивом слове обличенья,
И даже в горести твоей –
В минуту слез и раздраженья.

ВОСПОМИНАНИЕ

(Посвящается Общине «Отрада и Утешение»)

Помню, там, где березы качались
Ветра летнего легким крылом
На горе... Небеса улыбались
Просветлевшей улыбке лучом.

Помню, там над ручьем у оврага
Незабудки росли в тишине,
Пела птичка... Лесная прохлада
Ароматом манила к себе.

Даль реки голубой расстилалась,
Волны мчались одна за другой,
И леса, и луга наслаждались
Теплой негой любви неземной.

Помню, вечером тихим, душистым
Ширь полей утопала во тьме,
Небосвод весь в звездах серебристых
Славу Бога вещал в вышине.

На фате усыпляющей ночи
Мир сходил с ненаглядных небес,
Молкли звуки... Духовные очи
Созерцали миллионы чудес⁵.

Помню пламень молитвы священной
И потоки горячие слез,
Что лились из души умиленной,
Полной светлых желаний и грез.

Помню храмы... О, милые девы,
Мы сходились в них тесной семьей,
Ваших гласов знакомых напевы
Слышу ранней и поздней порой.

Ряд икон и лампадок мерцанье,
Нежный, розовый, трепетный свет.
Помню все, чему нет здесь названья,
И чему и забвения нет.

Боже Правый! То время умчалось,
Рай блаженных мечтаний разбит.
Крест один да терпенье осталось,
Жизнь дорогой тяжелой лежит.

Не ропщу, Милосердый мой Боже,
Вновь готова страдать и любить,
Но забыть то, что жизни дороже,
Не могу и не в силах забыть.

Славословлю Великое Имя
И Щедроты от века Твои.
Здесь в тиши от «Отрадь» далеко
Я слагаю печали псалмы.

БЛАЖЕННОЙ СТАРИЦЕ ЕВФРОСИНИИ⁶

Там над Окою рекою,
В дальних знакомых полях,
Там почивает святою
Дева в нетленных мощах.

Мирно проносятся годы...
Тайны священной полна,
В скромных картинах природы
Царствует там тишина.

Летней и зимней порою,
Как бы беседу ведут,
Плавной, воздушной стезею
Тучки и звезды плывут.

Так хорошо, благодатно
Милость Господня царит,
Скрытая в храме, отрадно,
Сладко блаженная спит.

Друг мой! Покойно в том месте
Скорбной душой отдыхать,
Кроткой Христовой Невесте
Скорби в слезах изливать.

Сердце ее обнимает,
Сердце надеждой живет,
Верой спасти умоляет,
Теплой любовью зовет.

СКОРБЯЩЕЙ

Не грусти, не ропщи, не страдай,
Не круши свою душу тоскою –
Подожди! Преселишься в тот край –
Там польются восторги рекою.

Потерпи! От ума отгони
Рой навязчивых смутных мечтаний,
Разбуди свое сердце в груди
Для смиренных святых воздыханий!

Затворись в своей келье, дитя,
Всей горячей душой помолися,
В небеса, где в расцвете весна,
Силой крепкою вся устремися!

В вышнем крае блаженной любви
Нет тоски и тяжелых страданий,
Там блаженнейшей радости сны
И... конец всех желаний.

Хоры Ангелов с светлым лицом
Встрелят в мире сердечно страдавшую,
И венчают нетленным венцом
О грехах своих много рыдавшую.

Когда гром в небе пронесется
И с силой налетит гроза,
Когда вся грудь в тоске сожмется
И очи оросит слеза –

Христа ты видишь – скорбный, чистый
Стоит Он тихо пред тобой,
И на челе венок тернистый
Горит кровавою слезой.

*

Когда ж утихнет непогода
И свет так ярко заблестит,
Когда, как солнце с небосвода,
Всю душу радость озарит,

Христа ты видишь Лик небесный,
Когда-то страждущий, больной,
Воскреснув сильный и победный,
Сияет вечной красотой.

Раз увидела я, как перо белоснежное
Потерял из крыла голубок.
И упало оно – серебристое, нежное,
Прямо в уличный грязный поток.

Лишь мгновенье кружилось оно, колебалось,
И в паденье своем роковым
Трепетало от страха и боли – казалось –
И защиты искало кругом.

Не нашло... И как будто с тоской безотрадною
Опускалось быстрее и скорей.
И беспомощно пало над лужею смрадною,
С белизною прощаясь своей.

Сердце часто тревожится всякою малостью,
Смутной грезой, явленьем простым.
За пером этим белым следила я с жалостью
Как за чем-то живым и родным.

Мне припомнились женские души несчастные,
Те, что в суетном мире скользят
В темноте без поддержки тропинкой опасною.
К свету труден им, слабым, возврат.

Нет спасения им. Вечно мгла беспроглядная
Застилает им путь роковой.
Они падают в грязь, и толпа беспощадная
Топчет их равнодушной ногой.

ПАМЯТИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Вот он, блаженный пустынный, взыскующий
Века грядущего благ неземных!
Вот он – в скорбях, как мы в счастье, ликующий,
Душу готовый отдать за других!..

Тихо тропинкой лесной пробирается
В кожаной мантии, в лычных лаптях,
Крест на груди его медный качается,
Сумка с песком у него на плечах.

Вьется Саровка излучистой впадиной;
Сосен столетних красуется строй;
И, на ходу подпираясь рогатиной,
Двигается старец неслышной стопой.

Телом согбенный, душою смиренной
В пустыньку он помолиться бредет,
Но, и молитву творя сокровенную,
Он для трудов свой топорик несет.

Белый на нем балахон; серебристые
Шапочкой ветхой покрыв волоса,
В глубь себя он устремляет лучистые,
Полные ласки душевной глаза.

Силою он одарен благодатною,
Чуткой душой прозревает он вдаль,
Видит он язвы людские, невнятные,
Слышит он вопли – и всех ему жаль.

Он и утешить готов безутешного,
Слабое детство от смерти спасти,
Или к сиянию света нездешнего
Грешную душу мольбой привести.

Всем изнемогшим в огне, испытаниях,
«Радость моя!» – он твердит, – «Не скорби,
Бури душевные, грозы, страдания,
Господа ради, с улыбкой терпи!..»

С плачущим плакать он рад, унывающих
Нежно ободрит, их дух подкрепит.
Нас же, Господень завет забывающих,
Учит он близких, как братьев, любить.

Учит искать он богатство нетленное,
Чтоб не владела душой суета, –
Ибо всё мира сокровище брренное
Нашей душе не заменит Христа!..

*/Л. А. Кологривова/*⁷

У БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Не вчера ли, о море, вечерней порой
К берегам ты ласкалось лукавой волной?

В алом блеске зари не вчера ли
Небеса голубые сияли?

А сегодня косматой грядою валы,
В грозном беге крутясь у прибрежной скалы,
Бурно рвутся на приступ могучий,
Обгоняя свинцовые тучи.

В битве жизни не так ли и ты, человек,
Терпишь зол и гонений мятежный набег?

Но не вечны страданья и беды:
Ты дождешься над ними победы.

Верь, улягутся волны и завтра опять
Будут берег любовно и нежно ласкать,
Просветлеют небесные дали,
И рассеются сердца печали.

К. Р.⁸

МОЛИТВА ПОСЛЕ СКОРБИ

Мой Ангел-Утешитель,
Явись мне в тишине,
Небесную обитель
Открой мне в тихом сне.

За жар моих молений
Под тяжестью креста –
Отверзи райских сеней
Заветные врата.

Склонись к слезам и стонам
Тоски пережитой;
Одень меня виссоном,
Дай венчик золотой.

От лилий непорочных,
Что дышат в небесах,
На сумрак дум полночных
Стряхни червонный прах.

Чтоб верить постоянно
Средь ужаса земли, –
Ликующим «Осанна!»
Мой слух возвесели.

Страдать хочу я, зная –
зачтен ли трудный путь,
Ведет ли скорбь земная
К блаженству где-нибудь?

*(Лихвицкой)*⁹

О, Боже мой, благодарю,
Что даровал моим очам
Увидеть мир –
Твой вечный Храм,
И землю, небо и зарю...

Везде я чувствую, везде,
Тебя, Господь: в ночной тиши,
И в отдаленнейшей звезде,
И в глубине моей души.

Пока живу, Тебе молюсь,
Тебя люблю, живу Тобой;
Когда умру, с Тобой сольюсь,
Как звезды с утренней зарей.

Хочу, чтоб жизнь моя была
Тебе немолчная хвала:
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь, за смерть благодарю!

*Д. Мережковский*¹⁰

БЛАГОВЕРНОЙ КНЯГИНЕ АННЕ¹¹

Как в Светлый праздник, тесно в храме,
Кругом толпа. У царских врат
Мерцают в дымном фимиаме
Огни свечей, огни лампад...

Безмолвно выступив из мрака,
Под балдахинном, как шатром,
Вся разукрашенная рака
Блестит чеканным серебром.

Покоясь в пышном облаченье,
Лежат святые мощи в ней;
Их не коснулось смерти тленье
Тьмой разрушительной своей.

Нам дорог праведной Княгини
Прах, извлеченный из земли,
Чьи дни в страдальческой кручине
И в испытаниях прошли.

Подобно нежной хризантеме,
Она пленяла чистотой,
Благословляемая всеми,
Боготворимая толпой.

Но час настал, покинув тело,
Дух отлетел ее в края
Иного дальнего предела,
Иного дня и бытия.

А мы, как встарь, в чертоги рая
К ней устремляемся с мольбой,
Ее страданья прославляя,
Не позабытые Землей!

ХРИСТИАНКА

Белеет в мраке покрывало
Среди кустарников и гор;
Походка несколько устала
И осторожен зоркий взор.

Она тайком ушла из дому,
Красавица в расцвете дней,
Молиться вечному, святому,
Недавно познанному ей.

О! Сохрани Творец! Уж близко...
Чу, слышно пенье... вот и вход...
Страж у дверей и плесень склизко
Со стен потоками течет.

То не приют пиров, веселья,
Не ходят чаши по рукам, –
Сырое это подzemелье,
Благословенный Божий Храм.

И песни тут скромны и строги,
И бесконечно хороши,
Поют о светлом, чистом Боге,
О чистоте людской души.

Войдет в немом благоговенье,
Затеplit свечку от другой
И будет жадно слушать чтение
С склоненной кротко головой.

И слившись с горней песней рая,
Молитва будет горяча,
Как эта бледно-восковая
Воспламененная свеча.

*Н. Ясный*¹²

БОГУ

Люблю Тебя, как солнца свет,
Как радость жизни и блаженства,
Как то, чему сравнения нет
В святине вечной совершенства.

Как утра нежное дыханье,
Когда, сверкая и горя,
В победном свете ликования
Встает красавица-заря.

Люблю Тебя, Великий Боже,
Отец людей, Царю миров,
Твой Суд и Правда мне дороже,
Чем слава тленная рабов.

Тебе души моей стремленье
И думы чистые мои.
В блаженном чувстве откровенья
Как близок сердцу, сладок Ты!
Отраднo мне с Тобой сливаться,
Тобой дышать, Тобою жить,
Надеждой светлой восхищаться
И без конца любить... любить!..

М. София

СВ[ЯТОЙ] ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЕ ВАРВАРЕ

Ты моя сладкая, чистая, нежная,
Светлая зорька моя!
Ранней весною Тебя лишь узнала я,
Сердцем скорей полюбила Тебя.

Что в Тебе было, скажи мне, родимая,
Свет ли божественный жил,
Или Жених Твой, Христос и Спаситель наш,
Душу Твою полюбил?

Только с тех пор за тобою, желанная,
Тихо, покорно иду,
Ручкой лелейною твердо управлена,
Может быть, к Счастью приду.

Там всё любовь и покой совершенства,
Дивные песни небес,
Ликов бесплотных восторг и блаженства,
Тайны высоких чудес.

М. София

СПАСИТЕЛЬ МИРА У КОЛОДЦА

Еще в грядущем много дел,
И трудный путь далеко вьется,
Усталый, жаждущий присел
Спаситель мира у колодца.

И попросил попить воды
У самарянки, встреться с нею,
Хоть знал присутствие вражды
Ее народа с Иудеей.

Возможно ль, молвила она, –
Ты – Иудей, твоя страна
Ко мне от самого рожденья
Полна вражды и отвращенья.

И ты забыл святой Завет?
Но Иисус сказал в ответ:
Когда б ты знала, чья здесь сила,
И Кто беседует с тобой, –

Сама б воды ты испросила
И Он бы дал воды живой...
Кто пьет Мою живую воду,
Тот не возжаждет никогда,

И благо верному народу,
Кому дана сия вода!

*/В. В. Жуков/*¹³

**ВСЕВОЛОДУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ВЕРХОВЦЕВУ¹⁴**

Скажи, когда из вражеского стана
Ты убежишь, израненный боец,
Из власти тьмы прельстившего обмана
Полуживой спасешься, наконец?

В твоей груди ни злобы нет, ни мщенья,
На труд любви и жертвы ты готов...
Обитель Чистого, святого Утешенья,
Прими разбитого под свой Смиренный Кров!

Мне суждено гореть душою,
Беречь сердечные огни,
Идти тернистою тропею
В мир дружбы, братства и любви.

И я иду. Пусть буря злится,
Пусть ждут лишения впереди, —
Я не могу остановиться
На полупройдённом пути.

*/Семенов/*¹⁵

*Высшая культура духа дается не книгою,
не подделкою под жизнь, а самую жизнью,
раскрывающеюся в правде и красоте природы.
/Схиизгум. София/*

Земля, владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный Твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.
В полуденных лучах такую негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес,
И блеску тихому несли привет певучий
И вольная река, и многошумный лес.
И в явном таинстве вновь вижу сочетанье
Земной души со светом неземным,
И из огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым.

/В. Соловьев/¹⁶

МОЛИТВА

Под гнетом тяжких испытаний
С слезами скорби, с покаяньем,
С душой, изнывшей от страданий
К Тебе, Свет міра, прибегаю.
Твою любовь я к людям знаю
И милости прошу Твоей.

Прошу Тебя, мой Боже правый,
Не дай в унынье мне впадать.
Дай силу воли, разум здравый,
Чтоб мог я страсти побеждать.

Не поддаваться искушенью,
Отчаянью не предаваться.
Но с твердым духом и смиреньем
Твоей лишь воле покоряться.

Ты сам к Себе всех призываешь,
Труждающих, обремененных.
Ты радость скорбным посылаешь
И защищаешь угнетенных...

Ты в третий час своих мучений,
Когда Ты на кресте страдал,
Слепорожденным делал бренье
И мір очам их открывал.

Взгляни ж, Раввуні Милосердный,
И на несчастного меня,

Ты Многомилостивый, Щедрый,
Помилуй, пощади меня.

Услышь мой плач, мое моление,
Отрадно дай на жизнь взглянуть.
Прости и мне все прегрешения,
Дай от страданий отдохнуть.

Н. Трухачев
29 мая 1911 г.¹⁷

Доцветает грустно астра,
В белой вазе приуныв;
Слаб на снеге алебастра
Голубой ее отлив.

И к оставшейся соседке
Клонит астра стебель свой –
Шепчет розовой кокетке,
Маргаритке полевой:

«Ночью мы завянем рядом!
Вея смертью и тоской,
Осень губит мертвым взглядом
И холодной рукой...»

Верно мы Незримой Силе
Клятву вечную храним –
Всех терять, кого любили,
Доцветать в тоске одним!»

ЛЮБОВЬ

Как часто я просила тебя – расскажи мне о любви, и ты, наконец, исполнила мое желание. «Любовь, – говорила ты, – это нежная неуловимая гостья на Земле. Ее одежды блестящие и сотканы, как лепестки хрупких цветов; ее уборы просты, но исполнены самого тонкого изящества; вся она – чистое духовное благоухание, в котором соединился аромат природы и нежные волны всех лучших стремлений. Ее взор, сразу проникающий, очень глубок; редкий кто выдержит ее могущественные токи; ее форма непременно прекрасна, и нежные руки, будто слабые в своих объятиях, бесконечно сильны в безграничной работе; ее взоры светятся, как радостные лучи солнца.

Мои святые книги говорят лишь, что живет она очень высоко, там, куда не может и не смеет проникнуть неосвященное, неподготовленное сердце, но я чувствую, дитя, как светла, тепла, благоуханна ее родина и как полна непередаваемых звуков дивной музыки. Во всей силе царит она там одна, и никто, поднявшись к ней, не может передать всего очарования, принести сюда все ее величие... Кроме Одного... Кроме Одного...

Однако на Земле и в других лучших мирах чувствую ее живоносное веяние, ее духовно-гармоничный образ и ее глубину. Люди о ней всегда мечтают, воспевают ее в радужных тонах, другие селятся передать ее Царство в сложных, невыразимо грациозных

созвучиях, как ты, ее жадно ищут и ждут в жизни все (и тонко-нежные, и грубые души); одни стремятся дать форме хоть искру ее взгляда, и многие, многие бессильно бьются, подымая залитое слезами лицо к небу... Она неуловима, эта любовь... Она далека от всех вне Христа – Великого Бога, явившегося к людям как полное божественное откровение Любви и Истины.

Зачем же она не спускается к слабым людям, это будто эфемерное создание, эта их бесконечная мечта? Разве она сказка или действительный бред обманутого больного сердца? Разве боится она запачкать свои блестящие одежды, измять свою лилейную белизну небесного происхождения или сомневается в силе и власти своего бездонного взгляда?

Милое дитя, она никого и ничего не боится... Она все переносит, во всем возмогает. Покидая свое блаженное Царство, где все напоено ее дыханием, она забывает гармонию непередаваемых звуков, теплый оживляющий свет своей Сферы, богатые разнообразные краски, безмятежное счастье высшего существования, она все оставляет, и сходит с высоты...

Посмотрите! Ее руки любовно протянуты, глаза напоены лазурью бесконечного участия и снисхождения, походка остается легкой, прикосновения нежными. И люди встречают ее...

Ее встречает хор насмешек, жестоких слов и унижений, суровые руки безумцев небрежно раздирают ее одежды, не щадят ее стыд, не щадят ее терпенье и ее гибкую покорность, ее красивая форма не оставливает легкомысленных, они бывают довольны и спокойны, когда забрасывают ее пылью и грязью

своего пути. Мало этого! Они преграждают ее царственное шествие, ей роют ямы, наполняя их острыми кольями, ей сплетаются колючие терния и усыпают дорогу камнями. Униженная, оплеванная и израненная, она тихо поднимает голову и продолжает свой путь. Ей подносят яды в напитках, на нее обрушивается дождь метких стрел, она царственна в своем страдании, не замечая ран, забывая об оскорблениях, исполнена все тех же сладких звуков, благоуханных молитв и неистощимой энергии вдохновенья. Отчего же так случается, что ее, божественную посланницу, так встречают люди, о которой просили, плакали и пели? Или перестало струиться к ним ее очарованье, как только она подошла к ним близко? И они позабыли ее святую область? Нет, дитя, люди по-прежнему славят, ожидают и тоскуют о ней, и никто, никто не замечает, что она на земле, что вяла она мольбам исстрадавшегося сердца. Но сходя в чуждый ей мир, она скрыла свои царские покровы под самой простой одеждой, умерила силу своего взгляда, она стала маленькой, тихой, незаметной, нежной, кроткой гостьей и сохранила только высокую идею и святое стремление. Когда пишут, говорят о ней, когда поют и страдают, она становится пред ними и с бесконечной лаской, доверчиво протягивает свои объятия, но ее отталкивают, ненавидят и иногда чуть не проклинаят [как] самозванку.

Она же истинная Царица, дитя!

Ей нельзя явиться к нам в царской одежде, т. е. в полной красоте и силе своего духовного образа. Она является нам такой, какой мы можем ее понять, какой мы ранее хотели ее около себя видеть, но всегда она божественная посланница.

Если мы поймем, оценим, приютим ее у себя в смиренном образе, тогда мы почувствуем ее неземное благоухание, постигнем мудрость ее взгляда, великодушные ее сердца и могущество ее благодетельного присутствия.

Она поднимает наши усталые сердца, наполняет и ободряет измученные пустые души, очищает измятую земную одежду и утешает надеждой на лучший исход.

Она целует и закрывает наши раны своими легкими прикосновениями. И теперь она с нами, ибо она приходит не в буре и смятении жизни, не в горящем пламени, не в роскоши, не в забвении, она всегда в тишине, в кротости, в восторженном обожании, в прощении, в нежной ласкающей дружбе, в духовном смирении, в проникновенном участии и в твоих раскаянных слезах!

Она с Нами, дитя!»

23 декабря 1911 года.

ОТЧЕ НАШ

Отче наш! Бог, в небесах обитающий,
Оку незримый, но зримый сердцами,
Всё созидающий, всё разрушающий,
Греющий землю живыми лучами.

Мы принесли Тебе в жертву бескровную
Нашу молитву в часы покаяния, —
Дай же, о Боже! Нам пищу духовную,
Дай нам источник святого желания!

В годы сомнения, в годы ненастные
Нам изменили мечты неизменные;
Мы загасили светильники ясные;
Мы расплескали елеи священные.

Отче наш! Бог безутешно страдающих,
Солнце вселенной! К тебе мы с молитвою —
Всех сохрани, за любовь погибающих,
Всех угнетенных мучительной битвою!

Отче наш! Дай нам пути благодатные
И отстрани от соблазна лукавого...
Да воссияют лучи незакатные
Правды небесной и помысла правого!

*Фофанов*¹⁸

ПРЕД ЧАШЕЙ ЖИЗНИ

О, незабвенное мгновенье!..
Открыты Царские Врата;
Умолкли звуки песнопенья...
Дух близость чувствует Христа.
Пред Чашей жизни всесвятою
Стою с открытою душой:
В Пречистых Тайнах предо мною
Ты, знаю, Сам, Спаситель мой.
Трепещет сердце, ум смолкает, –
Пытливый, грешный ум людской,
И место вере уступает,
Повергшись ниц перед Тобой.
Жду дивной тайны совершенья,
Горя желанием святым,
Минуты жду соединенья,
С Тобою, Господом моим.
О дальше, дальше, мир лукавый,
Земные чувства и мечты!
Се входит Сам Господь, Царь Славы
В блистаньи чудной красоты,
Страшусь, Владыко, и ликую,
Свою ничтожность сознаю...
Как Кровь дерзну принять Святую
И Плоть Пречистую Твою?
Дай мне сердечное вниманье,
Источник веры дай живой!
Я – прах, я – падшее созданье,
Великий Боже, пред Тобой!

Войди в смиренную обитель,
Взгляни как пусто, мрачно в ней!
Войди, Излюбленный Учитель,
Под ветхий кров души моей;
Дай мне покорность и смиренность,
Мой дух унылый оживи,
И да не будет в осужденье
Мой дар Божественной любви...

*

Свершилось! Ум благоговеет
И сердце радости полно,
И верить счастью не смеет,
И Бога чувствует оно.
С Тобою быть я недостойна,
Ничтожна я, Спаситель мой –
Но как легко, но как спокойно
И как отрадно мне с Тобой!
Я недостойна, я не стою,
Но Ты по благодати Своей
Не возгнушался и рабою,
И в дом вошел души моей.
О дай мне силы и терпенья
В незримой с демоном борьбе,
Дай мне горячее стремленье
Всегда и всем служить Тебе!

Нежный друг! Истомил тебя путь,
Темен взор, и венки Твой измят,
Ты войди же ко мне отдохнуть,
Потускнел, догорая, закат.

Где ты был и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя,
Только имя мое назовешь –
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и время царят на земле,
Ты владыками их не зови.
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви!

*В. Соловьев*¹⁹

АНГЕЛ

Любил я тихий свет лампы золотой,
Благоговейное вокруг нее молчанье.
И тайного исполнен ожиданья,
Как часто я, откинув полог свой,
Не спал, на мягкий пух облокотясь рукою.
И думал: в эту ночь хранитель ангел мой
Придет ли в тишине беседовать со мною?
И мнилось мне, на ложе близ меня,
В сиянье трепетном лампадного огня,
В бледно-серебряном сидел он одеяньи...
И тихо, шепотом я поверял ему
И мысли, детскому достойные уму,
И сердцу детскому доступные желанья.
Мне сладок был покой в его лучах,
Я весь проникнут был божественною силой,
С улыбкою на пламенных устах
Задумчиво внимал мне светлокрылый.
Но очи кроткие его глядели вдаль,
Они грядущее в душе моей читали,
И отражалась в них какая-то печаль...
И ангел говорил: «Дитя, тебя мне жаль!
Дитя, поймешь ли ты слова моей печали?»
Душой младенческой я их не понимал,
Края одежда его ловил и целовал,
И слезы радости в очах моих сверкали.

Полонский²⁰

МОНАХИНЕ

(Посвящается Матушке Софии)

Твои глаза глядят из рамки черной,
В их глубине таится там
Как и в могиле, скрытой дерном,
Быть может, мертвые мечтам.
Быть может, крест уже поставлен
Над прежней девой молодой,
И черной мантией придавлен
Протест природы роковой.
И ты, монахиня, прелестна,
Но в чем душа твоя живет?
Она мне мнится бестелесна,
И к небу весь ее полет!

Е. А. Галинская²¹

УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана.
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.
Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне...

М. Ю. Лермонтов

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ

Солнце сокрылось, дымятся долины;
Медленно сходят к ночлегу стада;
Чуть шевелятся лесные вершины,
Чуть шевелится вода.

Ветер приносит прохладу ночную,
Тихою Славой горят небеса.
Сестры, оставим работу дневную,
В песни сольем голоса:

«Ночь на восходе с вечерней звездой,
Тихо сияет струей золотую
Западный край.

Господи, путь наш меж Камней и Терний,
Путь наш во мраке... Ты, Свет Невечерний,
Нас осияй!

В мгле полунощной, в полуденном зное,
В скорби и радости, в сладком покое,
В тяжелой борьбе –
Всюду сияние Солнца Святого,
Божия Мудрость и Сила и Слово,
Слава Тебе!»

Хомяков²²

На нивы желтые нисходит тишина.
В вечернем сумраке, средь меркнувших селений,
Дрожа, несется звон... Душа моя полна
Разлукою с Тобой и горьких сожалений.

И каждый мой упрек я вспоминаю вновь,
И каждое твержу приветливое слово,
Что мог бы я сказать Тебе, моя Любовь,
И что внутри себя я схоронил сурово!

*/А. К. Толстой/*²³

РОЗЫ И ШИПЫ

(Из А. Neera)²⁴

В. А. В.

«Мы – красота», – шепнули тихо розы,
«Мы – сила», – им шипы промолвили в ответ.
«Мы нежны, словно тень давно мелькнувшей грезы».

«Мы постоянны, в Лжи мирских сует».
«Мы – Сон Любви» – шепнули тихо розы, –
«Поэзии живой восторг, сулящий ключ»...

Шипы твердят: «Мы – скорби тяжелой слезы,
Мы – мудрости светящей ярко луч»,
Но розы шелестят: «Венком цветов красивых,
На шумном празднике бесчисленной толпы
И в прозе дней венчаем мы счастливых»...
«А мы – Героев», – молвили шипы.

ЦЕПИ

В маленькой клетке, в тюрьме без замков и решеток,
Сердце томится, приковано к тачке – труду,
Нижутся, нижутся бусы бесцветные четок –
Дни бесконечные в тяжком горячем бреду.
Сердце устало уже ожидать и молиться...
Звучом размеренным времени молот стучит,
Каждый удар его на сердце болью ложится,
Сердце смирилось – молчит.
Но если там, где теперь и мертво, и уныло,
Вдруг засияет лазури клочок голубой,
Бедное сердце, что в тайне еще не остыло,
Рвется на волю и борется само с собой.
Грезится узнице моря простор бесконечный,
Все, что порывом свободного чувства живет.
Цепи не сбросить... А в выси красой быстролетной
Счастье зовет!

Елена Федотова²⁵

К ПОРТРЕТУ

О, милые черты, любимые, родные,
Высоких дум и чувств живая красота,
Глаза правдивые и скорбные уста,
Уста почти святые!

Какой-то странной, дорогой печалью
В душе моей тот образ окружен...
И как мечта, от мира отделен
Непроходимой далью.

МЫ ОТДОХНЕМ

Надо жить! Надо жить! Мы будем жить!

Проживем длинный-длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам жизнь, будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя... А когда наступит наш час, мы покорно умрем, и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько!

И Бог жалится над нами, и мы с тобою, милый, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой и отдохнем. Я верую, я верую горячо, страстно...

Мы отдохнем! Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим небо в алмазах, мы увидим, как всё зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка.

Я верую, верую, бедный, бедный, ты плачешь... Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди...

Мы отдохнем! Мы отдохнем! Отдохнем!²⁶

/А. П. Чехов/

*Начало письма Владимира Павловича Быкова²⁷ 1912 г.
Сентябрь 4 года*

Чудная, дивная веточка райского Сада!
Солнце мое!
Нежное дыхание вечернего летнего ветерка!
Дорогой друг!
Воплощенный Ангел-Хранитель!

*

...Какая ширь! Какая нежность!
Безбрежный синий небосклон!
В душе надежда, безмятежность...
Во сне ли явь, иль в яви сон?!

Я не могу забыть, как ты, с Земли взлетая,
Меня с собой влекла в святую высь;
Я не могу забыть, как ты, великая, святая,
Брала меня, и мы с тобой неслись.
Как часто, милая, к тебе я рвусь душою,
Как жажду быть вблизи тебя,
Хочу тебе внимать...
Молиться, петь с тобою,
И созерцать – в себе тебя, в тебе – себя.
За эти дни мучительной разлуки
Я каждый миг бывшего вспоминал,
Твои лобзал незримо руки,
Края одежды целовал.
И каждый раз ты мне иной казалась:
То очень весела, то с грустью на устах...

Но никогда ты мне такою не являлась,
Как видел я тебя на этих днях.

В раю... в цветах, что в мягком Ложе,
Осенена святым крестом,
Ты спишь?.. Не спишь?
И слышу: «Святой Боже!» –
Поешь ты сладостно в душе с огнем.

И дух горит и не сгорает...
Кругом нас дали и простор...
К степям и к морю долетает
Свободный, просветленный взор!..

И ветерок полей широких
Лобзаньем нежным долетел,
И, вестник Солнца стран далеких,
В лазури жаворонок пел!..

Твоя душа звала, летела,
Мой дух за нею улетал,
«Святой безсмертный», – тихо пела,
«Помилуй нас!..» – я повторял.

Вот как я живу, о чем думаю и куда стремится мое
сердце. Туда, туда в голубую высь,

Где в безбрежном просторе
С родною и близкою душой
Всё выше и выше взлетать;
Как в нежно ласкающем море,
Спасаясь в той песни святой,
«Помилуй нас, Боже!» – за ней повторять...

Влад. Быков

**ВОСПОМИНАНИЕ
О МОСКОВСКИХ ЛЕСАХ**

Зеленые просторы,
Медовые поля,
Лесные кругозоры,
Земля моя! Земля!
Как пахнет воздух росный!
Как тихо! – ни души!
Лишь дремно шепчут сосны.
И в солнечной тиши
Жужжанье, шелест, стрекот,
Лугов неясный звон,
И хищный птицы клекот,
И всё как нежный сон...
Поля, цветы степные,
И дальних тучек рой,
И тени голубые,
И сумрак золотой.
Разливы летней ласки
И лип душистых тень...
Незримо, будто в сказке
За днем проходит день...
И завтра как сегодня
Поля, просторы, лес.
И тишина Господня,
И таинство небес²⁸.

Г. Галина²⁹

НИВА СМЕРТИ

По ниве смерти шел Христос,
И тенью шел за Ним Лукавый,
И перед ними путь кровавый
Кончался морем – морем слез.
И ночь в молчании немом
На небе звезды зажигала
И лица мертвых обливала
Печально-трепетным лучом...
И звал Лукавый дух Христа:
«Взгляни: не здесь ли люди-братья?
Не это ль братские объятья –
Любви прекрасная мечта?..»
И торжеством великим Зла
Уста лукавые дышали.
И звезды меркли и дрожали,
И вновь сгущалась грозно мгла...
А Он все шел над грудой тел,
Склонясь скорбящей головою.
И всепрощеньем, и тоскою
Взор Искупителя горел...

*М. Пожарова*³⁰

В ХРАМЕ

В глубокой нише, прижался к Распятью
Безгрешных лилий веноч серебристый.

И вздохом неба, святой благодатью
Обвеян³¹ сумрак блаженно-душистый.

Под звон призывный, под звон колокольный,
Ты в храм вступила – и в час предвечерний
Склонилась тихо, с молитвой безбольной,
Пред кротким ликом в гирлянде из терний.

Алеет пламень лампы священной,
Как будто рдея божественной кровью,
И за тобою, с улыбкой нетленной,
Твой белый ангел сияет любовью.

К. Фофанов

ТРОПА ЛЮБВИ

Тропа любви, где пели соловьи,
Тропа любви, где розы расцветали,
Где думы чистые мои,
Как Божьи Ангелы летали,
Где в тишине подслушивали мы
Небесных сфер небесные псалмы
И чуткий пульс природы живоносный...
Тропа любви теперь затемнена.

На ней базара гам несносный

Или угар больного сна.

Где прежде в золотых обрывках облаков
Волшебная луна чертила арабески
И прыгала волна у сонных берегов

В своем меняющемся блеске, –

Теперь там ночь и нет огней,

Там вихри белого мороза

И гибнет трепетная роза

Среди безжалостных теней.

Но мы пойдем туда, пойдем к тропе любви.

Быть может, сердце в нас забьется,

И снова все на ней счастливо улыбнется,

И эхо повторит забытое: «Живи»!..³²

СЛОВА

Поют певцы... Напев, под сводом разливаясь,
То радостью кипит, то переходит в стон.
 Не слушая его и в думу погружаясь,
 Лежит недвижимо и мрачно Соломон.
Окончив песнь, певцы перед Царем склонились
 И пестрою толпой замолкших птиц ушли;
 А благовония сильнее задымились
 И мутной сединой под своды поползли.
 И снова тишина с безмолвною тоскою,
Как воры, пробрались в дыму, среди столбов,
 И подошли к царю невидимой четою.
 Он долго слушал речь, понятную без слов,
 Потом вдруг подал знак,
 И поступью покорной
 Поспешно раб вошел, склонился до земли
И, свиток развернув, тростинкою проворной
Он стал чертить... Слова из царских уст текли,
 Как благовония струятся из кадила,
 Как выступает мед на лепестках цветов,
 И неустанная рука раба чертила
Ряды слетавшихся, бессмертных вещей слов.
 *«Я – проповедник, я – царь Иерусалима
 И над Израилем владычествую я,
 Но жаждой и тоской душа моя палима,
 С тех пор как стал вникать я в тайну бытия»³⁴.*
Одно вслед за другим проходят поколения,
 И день сменяет ночь, и тьму сменяет свет,
Глушцу и мудрому одна судьба – забвенье...
 Всё в мире суета и суета сует.

*Звучат рыдания, стон, и кровь течет обильно,
 И угнетенные в томленье и слезах,
 Без утешения, покорно и бессильно
 Пред угнетателем склоняются во прах³⁵.*

Я видел это всё, и мертвых, погребенных
 Почел счастливей тех, Кто видит и живет,
 А всех блаженнее – не бывших, не рожденных,
 Не ведавших всего, что эта жизнь дает...

Внемлите! День настал и ратники слабеют,
 И стерегущие дрожа бегут назад,
 И тучи тяжкие огнем и бурей веют,
 И цепи порваны, и меркнет свет лампад...

К ним ужасы глядят на темную дорогу,
 Высоты им страшны, и дверь их заперта...
 Прах предадут земле, а дух вернется к Богу...
 Всё суета сует, всё в мире суета...»

Звучала речь царя, то быстро, то протяжно;
 Он смуглою рукой по воздуху водил;
 А раб, нахмуривши чело, тростинкой влажной,
 Склонясь к папирусу, без усталости чертил.

И думал бедный раб:
*«Жестокое страданья
 Горят в душе царя и в сердце темнота...
 Всё в жизни испытав, он стал искать познания...
 Но если эта жизнь – лишь прах и суета
 Зачем же взор его смеется и пылает,
 Когда из уст слова рождаются на свет?»³⁶*

Зачем же он сынам в наследье оставляет
 Слова – всё тот же прах и суету сует!
 Зачем же речь его сверкающей рекою
 Струится, и душа восторгом залита?..»

Раб думал и чертил послушною рукою:
 «Всё суета сует, всё в мире суета!..»

ХРИСТОС И ДУША ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ³⁷

I.

Ангелы

Как нищий с сумкой бедной,
Куда идешь, Христос,
Ты, горестный и бледный,
Один в юдоли слез?

Христос

Иду Я в мир унылый
К возлюбленной Моей,
Назвав невестой милой,
Я сердце отдал ей.
Она Меня любила,
Но, клятвы не храня,
Невеста изменила,
Покинула Меня.
И всё о ней тоскую,
И всё ее люблю,
Люблю Я дочь земную
Избранницу Мою.
Я дал ей дух свободный,
Ее одну любя,
Я сделал благородной,
Похожей на Себя.
Я дал ей плоть в рабыни
И волю для борьбы,
Она же стала ныне

Рабой своей рабы.
Она – во власти тела,
И Господа забыв,
Дары Мои презрела,
Отвергла Мой призыв.

Ангелы

Но той, кто всех дороже,
Кого Ты так любил,
Сказать ли нам, о, Боже,
Что Ты ее простил?

Христос

Скорей несите вести
Возлюбленной Моей,
Что Я простил невесте,
Что Я грущу о ней!
Зачем же длить разлуку?
Скажите, чтоб пришла,
Чтоб милого на муку,
На смерть не обрекла.
И брачные одежды
Я возвращу ей вновь, –
И все Мои надежды,
И всю Мою любовь!

II.

Ангелы

Душа в оковах тела
И смерти, и греха,
Ты Господа презрела,

Отвергла Жениха.
Поднять не смеешь вежды,
Не можешь встать с земли,
Разорваны одежды,
Чело твое – в пыли.

Душа

Когда я вспоминаю
О Том, Кто навсегда
Ушел – я умираю
От горя и стыда.
О, как я низко пала!
Брожу во тьме ночной,
И смерть меня объяла,
И гибель предо мной...³⁸

Ангелы

Омой слезами очи,
С надеждой подымись,
Скорей из мрака ночи
Ты к Господу вернись.
Тебя Он примет снова,
Забудь печаль и страх,
Не скажет Он ни слова,
Не вспомнит о грехах.

Душа

О, где же Он?.. Далеко
От Бога моего,
Я плачу одиноко,
Умру я без Него...
Скажите мне, скажите,

Видал ли кто-нибудь,
Где Милый, укажите
К Возлюбленному путь!

Ангелы

Мы видели: распятый,
Один на высоте
Голгофы, тьмой объятой,
Страдал Он на кресте.
В тоске изнемогая,
Но все еще любя,
Спаситель, умирая,
Молился за тебя...

Душа

Я плакать буду вечно.
За мир Он пролил кровь,
Любил так бесконечно,
И умер за любовь!..
В любви – какая сила!..
Любовь, о, для чего,
Безумная, убила
Ты Бога моего?..

Д. Мережковский

Умолкла дня трудовая забота
И царствует ночи краса,
И в небе рассыпались звезды без счета,
И пала на землю роса.

И снова я в жизни моей безотрадной
Мечтою о счастье живу,
И голосом сердца, о друг ненаглядный,
Тебя я, как прежде, зову!

Исчезнут из жизни остатки тумана,
Сомнений рассеется ложь,
Но, голос родимый, ты поздно иль рано
К родимому сердцу придешь.

И в мире широком средь чуждых тропинок
Сойтись мы должны на пути,
Мы – стебли родные. Средь чуждых былинки
Нам порознь не должно расти.

И счастье, что миру венок драгоценный
Любви и согласия вьет,
Отыщет нас в мира глуши сокровенной,
И тесно друг с другом сплетет.

ЛЕТНЕЕ УТРО

Летнее, тихое утро прекрасное!
Землю, объятую утренним сном,
Греет и нежит солнышко ясное,
В жизни всё будит веселым лучом.

Дева-природа, от сна пробужденная,
Сбросила свой белоснежный покров:
Встала, умылась росой холодной,
В платье оделась, в убор из цветов.

Вышла с улыбкой, роскошно убранная,
Словно невеста в день брака к венцу, –
Вышла и чудную песнь благодарную
Хором пернатых запела Творцу.

Храм представляет собою вселенная:
Небо, как купол, висит, голубой, –
Высь недоступная, ширь беспредельная, –
Держится купол всемогущей рукой.

В небе лампада горит светоносная,
Свет проливая в обильных лучах.
Здесь под ногами земля плодоносная,
Луг, как ковер, в изумрудных цветах.

Чистой, цветочной струей ароматною
Воздух рябит и парит к небесам;
Это природа, Творцу благодарная,
В жертву приносит цветов фимиам.

Песнь благозвучную, гимны хвалебные
Птички поют, славословят Творца.
«Словом Ты, Господи, создал вселенную;
Чудны дела Твои, нет им конца»

Слушаешь песни те – чудные, дивные,
Храм созерцаешь прекрасный, живой, –
Чувства глубокие, мысли умильные
В душу теснятся одна за другой.

Хочется слиться с природой ликующей,
В теплых объятьях весь мир заключить;
Хочется грешной душою, тоскующей
В лоне природы забыться, почтить.

Хочется славить величие Божие,
Промысл, премудрость и благость Творца,
Вью, колена склонить у подножия
Трона всещедрого Бога Отца.

*К. Е. В.*³⁹

ПЕСНЯ

Над розой вянущей,
Над розой бледною
Склонилась бабочка
С крылом надломленным.

И розу с бабочкой
Роса вечерняя
Покрыла каплями
Своими чистыми.

Тоской объятые,
Тоской предсмертною
Прощались с солнышком
Цветок и бабочка.

А ночь осенняя
Блестя звездами
Плыла, холодная
И равнодушная.

Под утро мертвые
Упали на землю
В траву зеленую
Цветок и бабочка...

И лепестки цветка,
И крылья бабочки
Лежали рядышком
Росой покрытые.

ЖЕНЩИНЕ

Женщина – кроткое Божье создание,
Женщина – Мать, Магдалина Смущенная,
Та, чья отерла коса благовонная
Ноги Иисуса в часы покаяния.
Женщина – отблеск мерцания майского,
Луч золотой над гробницами тления;
Женщина – тень из селения райского,
Женщина – счастье, любовь и прощение.

К. Фофанов

В ДНИ СКОРБИ

Тогда ли только буду верить,
Когда светло в душе моей,
И мысль ясна, и дух свободен
От гнета бедствий и скорбей?..

Тогда ли только буду Бога
Благодарить, благословлять,
Когда Он мне рукою щедрой
Ниспосылает благодать?

Нет, не во время только счастья,
Когда мне веровать легко –
Хочу в болезнях, в испытаньях
Любить и верить глубоко!..

Хочу всей жизнью, не устами,
Я исповедовать Христа,
Ему быть верною до смерти,
В несении скорбного Креста.

Хочу сказать: «Отец Небесный,
Прияв благая от Тебя,
Ужель не стерпит злостраданья
Дщерь многогрешная Твоя?»

*Е. Львова*⁴⁰

МИЛОСЕРДИЕ

Нет, милосердие не в том, чтоб ради Неба
Подать несчастному скитальцу корку хлеба
Иль освежить его в томящий лютей зной
Из кружки глиняной с холодной водой,
Или отдать ему ненужную одежду,
Иль ласково шепнуть больному про надежду.
Есть Милость Высшая, и ею мир велик!
Вы знаете ли тех, чья жизнь – один лишь холод,
Измученной души по Ласке вечный голод!
Увы! Им не знаком любви святой язык;
Как птички, что в лесу застигнуты грозой,
Они напуганы безжалостной судьбою;
И счастья нет для них, и солнца нет для них!..
Их знает только Бог... Но Он – Он любит их.
И если дали им хоть луч вы утешенья,
Вы много сделали для своего спасенья.

Т. Щепкина-Куперник⁴¹

КОММЕНТАРИИ:

¹ Четверостишие, вынесенное схигуменией Софией в качестве эпиграфа, является переделкой одной из строф известного стихотворения М. Ю. Лермонтова «Нищий». Оригинальное четверостишие М. Ю. Лермонтова звучит так:

*Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!*

В альбоме схигумении Софии слова «твоей», «тобою» написаны заглавными буквами.

² Похожее стихотворение, названное «Моей сестре», приводит родная сестра схигумении Софии в воспоминаниях. Очевидно, для обоих стихотворений использовано одно начало, но схигумения София изменяет содержание в зависимости от темы, такие «полукопии» и переделки стихов нередки в альбоме матушки Софии. См.: *Попова М. Е.* Игуменья София Покровского монастыря г. Киева // Православная жизнь (Джорданвилль, США). – 1959. – № 1. – С. 15.

Моей сестре

*Любила ль Ты Христа всей силой помышленья?
Стремилась Ты к нему в надежде и с тоской?
Просила ль Ты Его в слезах и умиленьи
Той силою любви, высокой и святой?*

*Тобой любимый свет Тебя втянул без спора,
Ты не смогла понять в нем жизни пустоты,
И над Твоей головкой непокорной
Летели мимо лучшие и светлые мечты.
Ты сознавала ли, что у тебя две силы
Борались трепетно в измученной груди:
Одна — на небеса к Нему Тебя манила,
Другая — не смогла подняться от земли.*

³ Первая строка стихотворения схиигумении Софии в точности повторяет строчку из произведения И. А. Бунина «Весело в поле весною бродить»:

*Весело в поле весною бродить!
Весело в небе весеннем следить,
Как серебристою, нежной чредою
Тихо плывут облака над землею.*

*Степь ли увижу — там радует взор
Синих полей безграничный простор;
В небо взгляну ли — там солнце сияет,
Нежным теплом мне лицо пригревает,
Глубь небосвода светла и ясна.
Как хороша ты, родная весна!*

⁴ По-видимому, стихотворение посвящено родной сестре схиигумении Софии, Марии Евгеньевне Поповой и служит ответом на ее недоуменные расспросы о выборе монашеского пути.

⁵ Так в оригинале, оставляем это слово в написании матушки Софии.

⁶ В обители «Отрада и Утешение» в разное время жило несколько разных стариц с именем «Евфросиния». Одной

из них схиигумения Софья посвятила стихотворение; пока не удастся выяснить, какой именно.

⁷ Кологривова Лидия Александровна (? – 20. 03. 1915) – русская поэтесса. Стихотворение написано в 1903 г.

⁸ Романов Константин Константинович (1858 – 1915) – Великий князь, русский поэт. Стихотворение входит в цикл «У Балтийского моря». Написано 28 августа 1890 г. в Вайваре и посвящено барону К. Н. Корфу. В альбом схиигумении Софьи стихотворение вписано чужой рукой, почерк не принадлежит ни схиигумении Софьи, ни Константину Романову.

⁹ Мирра Александровна Лохвицкая (схиигумения Софья ошибочно подписывает стихотворение фамилией «Лихвицкая»), по мужу Жибер – русская поэтесса, сестра Тэффи и Н. А. Лохвицкого. Стихотворение написано в 1902 г., положено на музыку В. Бюцова. Название «Молитва после скорби», очевидно, принадлежит самой схиигумении Софьи.

¹⁰ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865 – 1941) – русский поэт, писатель, критик, переводчик, религиозный философ, историк. Стихотворение «Бог» написано не позднее 1892 г. Схиигумения Софья переписывает его без названия, сокращает и частично переделывает. В оригинале стихотворение звучит так (строки, которые различаются, выделены жирным):

*О, Боже мой, благодарю
За то, что дал моим очам
Ты видеть мир, Твой вечный храм,
И ночь, и волны, и зарю...*
*Пускай мученья мне грозят, –
Благодарю за этот миг,*

**За все, что сердцем я постиг,
О чем мне звезды говорят...**

*Везде я чувствую, везде
Тебя, Господь, — в ночной тиши,
И в отдаленнейшей звезде,
И в глубине моей души.*

**Я Бога жаждал — и не знал;
Еще не верил, но, любя,
Пока рассудком отрицал, —
Я сердцем чувствовал Тебя.
И ты открылся мне: Ты — мир.
Ты — все. Ты — небо и вода,
Ты — голос бури, Ты — эфир,
Ты — мысль поэта, Ты — звезда...**

*Пока живу — Тебе молюсь,
Тебя люблю, дышу Тобой,
Когда умру — с Тобой сольюсь,
Как звезды с утренней зарей;*

*Хочу, чтоб жизнь моя была
Тебе немолчная хвала,
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть — благодарю!..*

¹¹ Святая благоверная княгиня Анна Капшинская была деканонизирована в 1677 г., во времена раскола Русской Церкви, но поскольку народное почитание святой Анны не прекращалось, в 1818 г. было решено имя благоверной Анны включать в месяцесловы, а с 1901 г. началась подготовка к восстановлению официального почитания, которое состоялось на Поместном Соборе 1918 г. Появление в альбоме схиигуменнии Софии стихотворения, посвященного Анне Капшинской и написанного до 1918 г., не случайно: матушка София по-своему готовилась к восстановлению почитания святой Анны, а возможно, и отдала

в какой-либо христианский журнал это произведение. Подготовка к восстановлению почитания должна была отразиться на публикациях в христианских журналах и газетах. Личное почитание тверской княгини матушкой Софией могло быть обусловлено и тем, что в монашеском постриге Анна Кашинская получила имя София.

¹² Н. Ясный – малоизвестный русский поэт конца XIX – первой половины XX века, печатался в газете «Утро России», издававшейся в Москве известным меценатом П. П. Рябушинским с 1907 по 1918 гг.

¹³ Жуков Виктор Васильевич (1856 – 1908) – популярный петербургский поэт, писавший стихи на христианские темы, издававшийся в православных журналах и газетах. Стихотворения В. В. Жукова были настолько популярны, что в советское время многие из них, особенно же «Спаситель мира у колодца», распространялись в рукописных сборниках стихов и песен среди верующих. В настоящее время стихотворения В. В. Жукова также включаются в сборники духовных стихов.

¹⁴ Стихотворение является переделкой отрывка из поэмы А. Н. Апухтина «Год в монастыре». Обращено к В. А. Верховцеву, сыну устроителя Екатерининской железной дороги Александра Аполлоновича Верховцева, особо почитавшего при жизни Покровский монастырь и похороненного в этом монастыре. Можно предполагать, что в жизни В. А. Верховцева был эпизод, чем-то напоминающий события поэмы Апухтина, главный герой которой ушел в монастырь и вернулся в мир. Отрывок, перефразированный схигуменией Софией, в оригинале звучит так:

*О, наконец! Из вражеского стана
Я убежал, израненный боец...
Из мира лжи, измены и обмана*

*Полуживой я спасся наконец!
В моей душе ни злобы нет, ни мщенья,
На подвиги и жертвы я готов...
Обитель мира, смерти и забвенья,
Прими меня под твой смиренный кров!*

1882

¹⁵ Принадлежность стихотворения остается невыясненной. Вероятно, оно написано либо Андреем Петровичем Семеновым-Тянь-Шанским (1866 – 1942), либо Леонидом Дмитриевичем Семеновым (1880 – 1917). Для обоих авторов характерно отсутствие полной публикации произведений, что и не позволяет с уверенностью говорить об авторстве переписанного или записанного по памяти схиигуменьей Софией стихотворения.

¹⁶ Соловьев Владимир Сергеевич (1953 – 1900) – русский религиозный философ, поэт, публицист, литературный критик. Стихотворение написано в 1886 г.

¹⁷ Н. Трухачев, очевидно, один из знакомых матушки. В альбоме, вероятно, помещен его автограф.

¹⁸ Фофанов Константин Михайлович (1862 – 1911) – русский поэт, отец поэта-эгофутуриста К. К. Фофанова (Константина Олимпова). Стихотворение написано в 1889 г.

¹⁹ Стихотворение Владимира Соловьева, написанное в 1887 г. Схиигуменья София изменяет несколько слов в стихотворении, в оригинале оно звучит так (измененное выделено жирным):

***Бедный** друг, истомил тебя путь,
Темен взор, и венок твой измят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.*

*Где **была** и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь –
Малча к сердцу прижму я тебя.*

*Смерть и Время царят на земле, –
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.*

²⁰ Полонский Яков Петрович (1819 – 1898) – русский поэт и прозаик. Стихотворение написано между 1840 и 1845 гг. Схишгумения Софья переписывает его точно, с незначительными изменениями: «Мысли, детскому **доступные** уму» изменяет на «Мысли, детскому **достойные** уму».

²¹ Е. А. Галицкая, очевидно, ода из посетительниц монастыря и друзей матушки. Стихотворение записано в альбом рукой схишгумении Софии. Вероятно, в написании фамилии допущена ошибка, и стихотворение принадлежит Е. Галицкой, литератору конца XIX века, публиковавшей свои работы в журнале «Свободный час», и в других. См., например, рецензию на драму К. Р. «Царь Иудейский» в № 3 журнала «Свободный час» за 1918 г.

²² Хомяков Алексей Степанович (1804 – 1860) – русский поэт, художник, публицист, богослов, философ и агроном, основоположник раннего славянофильства. Стихотворение написано в 1853 г. Схишгумения Софья, переписывая стихотворение, немного переделала седьмую строку: первоначально она переписала ее так, как у Хомякова: «Братья, сольем голоса», а затем перечеркнула слово «Братья» и исправила на «Сестры».

²³ Толстой Алексей Константинович (1817 – 1875) – граф, русский поэт, прозаик, драматург. Стихотворение написа-

но в 1862 г. Поэт посвящает это стихотворение своей жене Софье Андреевне Миллер. Схищупмения София вносит в стихотворение едва заметную поправку: слово «ты» она, в отличие от А. К. Толстого, пишет с заглавной буквы, и таким образом обращенное мужчиной к женщине стихотворение читается как обращенное монахиней к Богу.

²⁴ Стихотворение, очевидно, является переводом. Автор произведения пока не установлен.

²⁵ Стихотворение принадлежит Елене Федотовой, поэтессе, жившей в конце XIX – начале XX века. Отчество и точные даты жизни поэтессы неизвестны. Елена Федотова является автором книги «Преподобный Серафим Саровский чудотворец» (СПб., 1903), автором стихотворения «Молодость» в Ежемесячном приложении к журналу «Нива» (СПб., 1914 г., № 5), автором рассказа «Мать», напечатанного там же (1914 г., № 6). Сотрудничала также в «Маленьком сборнике новых патриотических стихотворений в память Великой войны 1914 года: В пользу раненых воинов», изданном в Санкт-Петербурге в 1914 г.

²⁶ Запись является отрывком из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня», а именно последним монологом Софьи. В пьесе Софья произносит эту речь, обращаясь к своему дяде, главному герою произведения, и успокаивая его и себя после того. Как обоим становится ясно, что их самые светлые мечты о любви несбыточны, им обоим предстоит скучная и нелегкая уединенная жизнь. Они оба остаются в полупустом доме и видят впереди лишь одинокую старость. Оба плачут во время этого монолога, который звучит не столько утешительно, сколько грустно и безысходно. Однако в момент безысходности Софья вдруг, впервые во всей пьесе, начинает говорить о вечности, о Боге, о Небесном царстве. Именно этот отрывки привлек

внимание схиигумени, однако, переписывая его, она оформляет речь Софьи как отдельное произведение, дает ему название, убирает из нее обращения к дяде Ване. Вырванный из произведения, этот монолог утрачивает оттенок безысходности и звучит утешительно и жизнеутверждающе.

²⁷ Владимир Павлович Быков – писатель, биолог, масон, знаменитый московский спирт, руководитель кружка «Спиритуалистов-догматиков», редактор-издатель журналов «Спиритуалист» (1905 – 1912), «Голос всеобщей любви» (1906 – 1909), «Смелые мысли» (1909 – 1911), «Вифезда» (1911 – 1912), и газеты спиритуально-окультиного направления «Оттуда» (1907 – 1911). Писал под псевдонимом В. П. Пироцкий. Широкую известность среди современников получила его серия выпусков «Тихие приюты для отдыха страдающей души: лекции-беседы» (1915 – 1917). Был обращен схиигуменией Софией в православие, стал известным критиком спиритизма, автором книги «Спиритизм под судом науки, общества и религии» (СПб., 1914 г.), «Тихие приюты» (об Оптиной пустыни). Впоследствии стал священником. См. его рассказ об обращении в православие: Обращение спирита // Православная жизнь (Джорданвилл, Нью-Йорк). – 1976. – № 7. – Июль. – С. 32-40.

²⁸ Стихотворение вписано в альбом чужой рукой, автор стихотворения не указан.

²⁹ Галина Галина – псевдоним Глафиры Адольфовны Ринкс, урождённой Глафиры Николаевны Мамошиной, в первом браке – Эйнерлинг, во втором браке – Гусевой (1870 год (по другим данным – 1873 год), Санкт-Петербург, Российская империя – 1942, возможно, Ленинград, СССР) – русской поэтессы, эссеистки, переводчицы. В

альбоме помещено малоизвестное стихотворение, не вошедшее в основные сборники автора.

³⁰ Пожарова Мария Андреевна (1884 – 1959), поэтесса, детская писательница. Стихотворение «В храме» опубликовано в «Ежемесячном журнале для всех» за 1904 г., № 6 (июль) на стр. 386.

³¹ В оригинале: «овеян».

³² Малоизвестное стихотворение Константина Фофонова, которое отсутствует в основных сборниках и собраниях сочинений автора.

³³ Allegro – псевдоним Поликсены Сергеевны Соловьевой (1867 – 1924), поэтессы, прозаика, драматурга, детской писательницы, родной сестры Владимира Соловьева. В альбоме, вероятно, помещена одна из первых редакций стихотворения. В «Сборнике стихотворений известных русских поэтов», изданном в Праге в 1921 г., помещена другая редакция этого произведения.

³⁴ В единственном доступном издании 1921 г. (см. предыдущую сноску) эта строфа отсутствует.

³⁵ Эта строфа в издании 1921 г. также отсутствует.

³⁶ В издании 1921 г. эта строфа звучит так:

*И думал бедный раб: «Он понял все, он знает,
Что жизнь лишь только тлен, что смысла в жизни нет,
Зачем же он сынам в наследье оставляет
Слова – все тот же прах и суету сует!*

...

³⁷ Произведение Дмитрия Сергеевича Мережковского, жанр которого сам автор обозначает как «Мистерия

XIII века». В оригинале мистерия называется «Христос, ангелы и душа», схиигумения София дает произведению другое название – «Христос и человеческая душа».

³⁸ В оригинале эта строфа звучит так:

*Изгнанницею рая
Живу я во грехе,
Скорбя и вспоминая
О милом Женихе.
И тщетно, умирая
В пороке и во зле,
Покинутого рая
Ищу я на земле.*

Является ли записанная в альбом строфа переделкой матушки Софии, или какой-то ранней редакцией самого Мережковского, установить не удастся.

³⁹ Авторство стихотворения установить пока не удалось.

⁴⁰ Е. Львова – поэтесса XIX века, писавшая на христианские темы, даты жизни и отчество установить не удастся. Наиболее известное произведение – «Рождество Христово», а также поэтическое переложение песнопений Великой субботы.

⁴¹ Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874–1952) – русская поэтесса, писательница, драматург, переводчица, актриса, правнучка известного актера М. С. Щепкина. Стихотворение в альбоме схиигумении Софии – одно из мало известных.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэтический альбом преподобноисповедницы Софии (Гринёвой) – памятник культурной жизни Киева начала XX века	5
«Так я прошу Твоей любви...» Поэтический альбом схиигумении Софии	73
Комментарии	148

Научное издание

Так я прошу Твоей любви...

Поэтический альбом схиигумении Софии (Гринёвой)

*Публикация, вступительная статья, комментарии
Светланы Михайловны Шумило,
Виталия Викторовича Шумило*

Редактор: *Ромашов Д. А.*
Технический редактор: *Гладченко А. А.*
Компьютерная верстка: *Гладченко А. А.*
Корректурa: *Шумило С. М., Шумило В. В.*

Набор компьютерный. Сдано на производство 29. 07. 2013 г.

Подписано в печать 27. 01. 2014 г. Формат 70x90¹/₃₂.

Бумага офсетная № 1. Печать ризографическая.

Условн. печ. лист. 3,12. Тираж 300 экз.

Отпечатано собственными техническими средствами
редакции журнала «Вѣра и Жизнь».

Черниговский Государственный институт
экономики и управления.

14003, г. Чернигов, ул. Стрелецкая, 1.

Свидетельство о внесении в

Государственный реестр субъектов издательского дела
серия ДК № 3113 от 19. 02. 2008 г.

ВѢРА и ЖИЗНЬ

Свидетельство о государственной регистрации
печатного органа массовой информации:

КВ № 152 от 18. 10. 1993 г.

Адрес для корреспонденции:

14010, Украина, Чернигов, а/я 240.

E-mail: veraizhizn@mail.ru